

A photograph of a library interior. On the left, a set of stone stairs leads upwards. To the right, a wooden bookshelf is filled with books. The text 'Зелёная лампа том 2' is overlaid on the image in a green, cursive font.

Зелёная
лампа
том 2

Евгений Сафронов
Зеленая лампа. Том 2

«Издательские решения»

Сафронов Е.

Зеленая лампа. Том 2 / Е. Сафронов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967008-3

Человек так устроен, что не может жить без каких-то рамок и границ — территориальных, духовных, жанровых. Но на самом деле — где-то глубоко внутри себя — мы все свободны, мы — творцы бесконечных миров. В сборнике опубликованы тексты очень разных авторов. После их прочтения хочется создавать нечто подобное самому. И такая реакция — лучшая награда для любого писателя.

ISBN 978-5-44-967008-3

© Сафронов Е.
© Издательские решения

Содержание

«Зеленой лампы негасимый свет...»	6
Сергей ГОГИН	8
Стратегия	13
Планета Меланхолия	14
Поэтическая сурдология	16
Евгений САФРОНОВ	17
Помаево – село, которого нет	17
Глава 1	18
Глава 2	23
Глава 3	28
Глава 4	34
Глава 5	37
Андрей ЦУХЛОВ	41
Теремок	41
Андрей ЦУХЛОВ	51
ДАЧНОЕ	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Зеленая лампа

Том 2

Авторы: Гогин Сергей, Ланцов Алексей, Павлов Илья, Половов Павел, Сафронов Евгений, Сланцев Миша, Цухлов Андрей, Цыганов Александр, Шакун Мария

- © Сергей Гогин, 2019
- © Алексей Ланцов, 2019
- © Илья Павлов, 2019
- © Павел Половов, 2019
- © Евгений Сафронов, 2019
- © Миша Сланцев, 2019
- © Андрей Цухлов, 2019
- © Александр Цыганов, 2019
- © Мария Шакун, 2019

ISBN 978-5-4496-7008-3 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-7009-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Зеленой лампы негасимый свет...» *вместо предисловия*

А то...

Начало XIX в. – зажгли впервые, 20-е годы XX в. – светит издалека, начало XXI в. – горит, хотя бы иногда... А вообще это так по-старомодному уютно и так по-домашнему неприхотливо. В свете такой лампы можно и писать, и читать, и детям сказки рассказывать, и... в общем, есть чем заняться. Без лампы, конечно, тоже можно, но оно будет как-то не то, неуютно.

Особенно хорошо, если придут друзья, старые, добрые, да еще и с собой кого-нибудь приведут – сядем, разольем пиво и, не торопясь, смакуя, по глоточку, по словечку, также неторопливо заведем разговор о чем-нибудь простом, повседневном, но – мужском, серьезном. Как в старых русских повестях рассказывая истории...

Именно это было первым, что пришло мне на ум, когда я открыл «Зелёную лампу», включил ее свет. Всех знаю, всех хорошо слышу, их интонации, их словечки, даже то, как они молча слушают. Уютно.

Конечно, рассказывают они все по-разному и о разном. Кто прозой, кто стихами, кто часто и многословно, кто редко, иногда, попутно, завернет – и я ежился, видел кое-что, вот, мол, послушайте...

Истории слушать, конечно, интереснее, чем стихи – они же такие короткие, все больше об очень личном, почти интимном, даже если и о вечном, а ты подслушал ненароком – неудобно как-то, стыдно...

То ли дело – рассказ вечера на два! Пиво не кончается, автор в упоении, на тебя почти не смотрит, лишь иногда то строго, то затуманено взглянет – проникся ли?.. осознал ли?..

Да и не нужен он – автор, ты уже то ли фильм видишь, то ли в виртуальной реальности тоже пьешь пиво, плачешь, смеешься, – короче, живешь... И вот ползет гадука, чтобы, наконец-то, ужалить Стаса (а нечего по сгинувшим селам и старым кладбищам шарить с металлоискателем!).

Вот на службу (будь она проклята!) вышагивает толстый черный кот Батон (пардон, это его хозяин – Павел Петрович, Батон же только с балкона один раз сиганет или полетит – что поделаешь, луна не только людей, но и котов делает глупенькими).

А вот шавку Белку вырывает из рук Светки явно душевнобольной, ненавидящий все живое Марат, чтобы потом переродиться, стать мягким и пушистым, как игрушечный медведь.

А вот Мишаня (ну, конечно, только так, не Мих Мих, не Майкл, не какой-нибудь Мартин, а наш, родной Мишаня!) со своим дурацким «чики-пуки» держит Аркадия (а может и тебя, читатель?) за такого лоха, которого свет не видывал, ну просто за Лоха с большой буквы. А что же с такого Лоха возьмешь? Они на то и существуют на свете, извините, в повести, чтобы их лохарить и лошарить.

Про попрыгунчика Джанджгаву и Кольку-дурачка сказать нужно особо. Живое воплощение естественного человека (ах, Руссо!) они способны зародить в читателе смутное томление по какой-то другой жизни, которая, может, во сне мерещилась (чур меня!), или в детских фантазиях являлась, или в юношеских запойных разговорах с друзьями вставала у плеча...

Ну и в конце концов является в свете зеленой лампы сам Иван Окрошин, нашедший ответ (русский мужик все и всегда найдет!) на самый главный вопрос мужской зрелой жизни: «Ну и что после этого всего пить? Так, чтобы было хорошо, вкусно, весело и не отравиться?».

Но тут я, пожалуй, лампу притушу, пусть читатель сам все дослушает. Да, вот еще что – про пиво не забудьте!

Михаил МАТЛИН, фольклорист, кандидат филологических наук

Сергей ГОГИН

* * *

Наливаются временем веки,
но глаза остаются сухи,
если кто-то уходит навеки
и уводит с собою стихи —

за калитку, за грань, за пределы
(что нельзя обойти стороной),
где моё сознающее тело
прозвучит в унисон с тишиной.

***

Эпоха обветшала и уходит.
Вторгается эстетика распада.
Студенческая скрипка в переходе
соперничает с бликами айпада.

Что было вашим, уплывает к «нашим».
Грусти, паяц, и, если можешь, – смейся.
Сапожки и ботинки месят кашу
пескосоляной снежно-грязной смеси.

Ни день, ни ночь, а что-то в промежутке:
и жутко, и куда-то надо ехать.
Пустой «баян» ветхозаветной шутки
пускает эхо сдержанного смеха.

И то, что Веник возвестил на «Эхе»,
и то, что скушал внук Эдиты Пьехи,
и хорошо ли сложен «домик утки» —
всё перетрут любезные в маршрутке.

И бесконечна эта остановка,
международна эта обстановка.
Мерцают в небе призрачные краски.
Бухой мужик выгуливает хаски.

Из цикла «Филологическое»

Не верю застольным речам,
не вижу себя седовласым,
как ватник с чужого плеча —
расхожее: «Время всевластно».

Я – словно мальчишка-щенок,
и длинные школьные стены —

пожизненно мне, и звонок
раздался с большой перемены.

Рыдает звонок, но – по ком?
С контрольной работы сознания
я снова сбегая тайком,
бессменный вахтёр баба Маня

в зелёном, как вечность, платке
меня, милосердствуя, судит,
пока на шершавой доске
вопросы спряжения судеб

нестарый ещё педагог
царапает в трёх вариантах,
он выдумать лучше не мог,
чем приборакхлиться у Канта

в бутике забытых вещей —
«в себе», «вне себя» и «для прочих»,
где нет бытовых мелочей,
но нет и возвышенных очень,

где я, наконец, понял бы
в объятых тоски непролазной:
свобода надёжней судьбы,
надежда сильнее соблазна.

Царапай, смешной педагог,
свои роковые вопросы,
летите стремглав за порог,
разумные, добрые осы,

спешите на помощь, пока
за мной еще можно угнаться,
ужальте мальчишку-щенка:
старею – пора просыпаться.

***

Нынче в доме пусто. Всё уже случилось.
Чацкий сгинул в дурке, Треплев застрелился,
Мурку закололи пёрышком (небольшо),
голова лишился глупый Берлиоз.

То ли ещё будет: многое опишут
инженеры чело-
вечьих душ бессмертных,
многое добавят в меру их таланта,
если не устроит их Екклезиаст.

В меру интеллекта и погоды в меру,
в меру простатита и болезни сердца,
в меру недосыпа или пересыпа
или если просто муза посетит.

Вот придёт и скажет: «Что-то в доме пусто.
Где товарищ Чацкий, где коллега Треплев?
Что случилось с Муркой – пела как по маслу?
Через то ли масло сгинул Берлиоз?»

И ответит эхо: «Вам бы только эхать!
Нынче пусто в доме, слышите меня?
Пустота – помеха, дальше надо ехать,
словно бубенцами, рифмою звеня».

Ибо в доме пусто. Что могло – случилось:
стал Печорин лишним, Мармеладов спился
и попал под лошадь, Ленский принял пулю
и Андрей Болконский тоже не жилец...
Что-то в русском слове мало оптимизма.
Может, англосаксы снова подсобят?

***

в ваш аккаунт выполнен вход через
Chrome Россия Ульяновск
бром Россия Биробиджан
бред Россия Бряндино
блин Россия Сенгилей
боб Россия Бобья Уча
бабья участь России
участок былём поросший
бобыль на бобыле былём погоняет
бельём бывшим белым когда-то
когда это было
когда это было
когда письма слали с оказией
а не с аккаунтов
когда хром был как праздник
а кирза на каждый день
чтобы пара служила лет двадцать
потому что зачем если можно босиком
выполнить вход через
лес поле реку болото и дальше
где белеется что-то Россия что ли
и что-то блестит не хром ли
и там же наверное выход
или исход
в исходную

точку
входа

***

Не учит жизнь. А может, тем и учит:
сам отделяй, что истинно, что ложно.
Очередной хрестоматийный случай:
«Как дай вам бог любимой...» Сколько можно?!

Ушёл в стихи, как в психотерапию,
лечился эхом первобытных знаков.
Не осуждай её, не торопи. Ей —
«Как дай вам бог...» Наш мир неодинаков.

Но знаки собираются в общину,
вопят и обретают силу слова,
и значит, я пока ещё мужчина,
и значит, не исчерпана основа.

Не буду зарекаться, мол, ни в жисть я,
не по сезону белые одежды —
сегодня осень на дворе, и листья
ложатся так безмолвно, безнадежно...

*«Я – островок
посреди необозримого
прошлого».*

Аркадий Тюрин

На склоне века, ставшего началом
столетий новых, столь же быстротечных,
непостижимых медленным рассудком
и неподвластных взору ясновидца;
на склоне века, ждавшего устало
своей кончины в грохоте излишеств,
чтоб возродиться новой страницей
в календарях, историях и судьбах;
на склоне века, века-инвалида,
истерзанного язвами гордыни,
не знавшего простейшего отличья
безумного злодейства от дерзання;
на склоне века, зрителя немого
кровавых войн и ярких милосердий,
открытий гибельных и радужных исканий,
упадка наций и восстаний духа, —
я осознал условность разделенья
шкалы времён на равные отрезки.
Как только вспышка памяти, сверкнувшей
на краткий миг, собою озаряет

всю ленту жизни – все её события
одновременно будто происходят
во времени (и – вне его!) прошедшем;
сознание всего лишь ловит знаки,
успевшие при свете проявиться.
Грядущее сокрыто за стеною
бесплотной, но глухой и бесконечной,
которая зовётся настоящим.
Я – точка на стене, я – символ Бога.
Я – призрак вечности. Я – бытия трилистник.
Я – остров посреди необозримых
безвременного прошлого просторов...

На склоне века, или в середине,
или в начале нового столетия —
тысячелетия – миллионолетия! —
я озираю жизнь с недвижной кочки
и нахожу, что люди постоянны
как в добродетелях, так и в пороках.
И где-то там, в конце времён, далёко —
иль через миг, что, в сущности, едино —
на горизонте сумерек бытийных,
сжимающихся в точку-невозможность,
в понятие, что некому освоить
скупым умом, но можно только – духом;
и вот на этом смутном пограничье
в последний миг, в конце концов, в пределе
абстрактном, нереальном – интересно,
какое Слово будет перед точкой?..

Стратегия

Начать хоть что-нибудь, потом,
на мудрость жизни уповая,
гадать, куда везёт кривая,
ловить дождевки языком,

любить детей, жалеть их мать,
носить, как чётки, цепь событий,
и обжигать горшки, и бить их,
лепить и – снова обжигать,

пасти гусей, учить азы,
по ходу смыслы создавая,
и колокол, не уставая,
тянуть за трепетный язык.

Планета Меланхолия

Идею конечности лелея и холя,
помыслишь о форме последнего привета.
У каждого человека своя Меланхолия
и персональный конец света.

Так общий случай становится частным,
комариный укус вырастает до феномена,
конвертируясь в радугу здесь и сейчас, но
по очень выгодному курсу обмена.

Потом и радуга погружается в Лету,
Время работать коровой дойной
отказывается, поэтому свою Планету
надо будет встретить достойно.

Лучше всего – поливая землю,
рисую кактус, рассаживая фиалку,
любя другого человека, внемля
ветрам, чтобы – не так жалко.

Даже если не родил детей, и
нет фиалки, не завел собаку —
важно отложить яйцо идеи:
идея способна пережить вакуум,

пустить корни, дать начало,
размножиться – за это много отдашь и...
Ну вот, кажется, и полегчало.
Можно жить
дальше.

«Счастье – это когда тебя понимают».

(Из фильма «Доживём до понедельника»)

Счастье – это когда тебя понимают.
Принимают. Запоминают.
Вспоминают и – обнимают.
И потом, когда поминают.

В этом есть элемент участия.
Словно целое есть у части.
Понимание – как причастье:
ты да я – одной веры части.

Одной Матери. Одного Бога.
Эти – в ногу, а мы – не в ногу.
Я твой посох, ты мне – подмога.
Посидим, отдохнём немного.

Помолчим, пока дремлет Логос,
пока дразнит Танатос Эрос,
пока серость высоким слогом
так вещает, что пахнет серой.

Надо как-нибудь проще, проще,
но не плоше, не в лоб, не плоше.
Слышишь – ветер гуляет в роще
или словом вскипает площадь?

Не красна судьба пирогами.
Всё твоё, что прошёл ногами.
И расходится свет кругами.
И расходится свет кругами.

Поэтическая сурдология

Звенит в ушах. То, может, голос свыше,
и звездный ветер мне его пригнал?
Я – избранный? Лишь только мне и слышен
сверхразумом отправленный сигнал?

И коль я из такого сделан теста,
в мои локаторы, в мою тетрадь
вселенная божественные тексты
нашептывает? Жаль, не разобрать...

Зов галактический настойчив, безутешен.
Звенит, как стадо комаров в плену
пивной бутылки. Я устал. Я грешен
и текстам предпочел бы тишину.

Я недостойн столь великой роли
и не готов, по нищете своей,
представить, от какой высокой боли
страдал, внимая Яхве, Моисей.

О чём шумел камыш деревьям гнутым?
Неужто белый шум – вся жизнь моя?
Сижу, в бахилы синие обутой.
«Кто следующий?» – «Доктор, это я...»

Евгений САФРОНОВ

Помаево – село, которого нет

повесть

Глава 1

Мама еще с пятого класса, как только он этим увлекся, повторяла: «Стасик, ну зачем тебе эти монеты? Лучше бы ты за ум взялся и учился по-человечески! Тоже мне нумизмат!».

Стас с тех самых пор самого слова «нумизматика» на дух переносить не мог: оно почему-то напоминало ему о математике, которую тот не уважал с детства. «Стасик, алгебра и геометрия – основа основ! – эту пластинку его матушка в школьные годы тоже включала при первом удобном случае. – Какую бы профессию ты в будущем ни выбрал – математика всё равно пригодится!».

Бог мой, эти предки – сущие младенцы! Он преспокойно сдал три ЕГЭ (четвертый – на выбор) – и поступил на «технологию и предпринимательство» в местный пед. И уже через полтора месяца стал звездой студенческой осени в кавээновской команде «ТиПов»: раз плюнуть, как говорится. Там же, на КВН, он познакомился с Толяном, который учился на ест-гео.

«Ва-аще чумовая тема! Мы это дело отобьем за пару месяцев! – Толян впервые заговорил про поиск „всякого старья“ в начале мая, когда на горизонте замаячила летняя сессия. – Меня в это дело камра́д один втянул – типа копаря-поисковика был. Ему всё интересно было: черепа, котлы, шмотки солдатские. Но мне пофиг на это! Я ведь по монетам загоняюсь».

Толик предложил выкупить у одного своего камрада гудло́ и всю атрибуцию. Гудлом или металликой друг Стаса именовал металлоискатель – как оказалось, вещь незаменимую при поиске монет.

Тот день, когда они раскопали свою первую добычу, ему иногда даже снился. Металлоискатель запыкал, Стасик достал саперную лопатку и через пять минут извлек на свет Божий круглое металлическое чудо.

«Да это же пятачура – катька! Ну-ка, дай-ка, дай-ка! – Толян поковырял грязным ногтем монетку. – Точняк: катька, 1774 год. Повезло тебе. Дальше шагаем? Еще и не такое найдем, обещаю. Здесь же постоянный двор был раньше!».

Они копали на пустыре одного из сёл – километров в десяти от города. Увезли к вечеру семнадцать монеток. В основном, попадались бутылочные алюминиевые пробки и советская мелочь, но добыли и две пятачуры: одну взял себе Толян, а другая по праву перекечевала в рюкзак Стасу.

«Одно плохо: люди постоянно шастают. Увидят нас с металлоискателем – ментам могут настучать. Надо искать по заброшкам, вот это ва-аще чумовая тема!» – просвещал его Толян, развалившись на заднем сиденье рейсового автобуса, который вёз их в сторону города, усыянного желтыми пятнами уличных фонарей. Именно тогда-то у них и созрел план о поездке в заброшенное село. Или, может быть, они придумали его позже... Да кто же сейчас разберется в этом после всего случившегося?

***

– Вон оно! Видишь, да? – Толян весь подался вперед и, приставив ладонь к бровям, стал вглядываться в отдаленные заросли.

– Чего там? – Стас привстал на цыпочки. – Изба?

– Не-е, – его друг покачал головой и поправил большой рюкзак за спиной. – Чё-то побольше. Деревянное вроде. Может, магазин. Или клуб. Но это точно помаевское, вот смотри...

Стас мельком глянул на экран смартфона, где светилась заранее скаченная разноцветная карта местности, и вдруг почувствовал то самое – знакомое томительно-сладкое ощущение предстоящей охоты. Сотовой связи, кстати, здесь не было. Совсем.

– Здесь всё достанем? – он указал на рюкзак.

– Ты про гудло? Да можно и здесь, в принципе. Сейчас границы села уже не найдешь: всё травой поросло, одни кочки. Давай перекусим и начнем, ага?

Толян осторожно извлек прибор и закрепил насадку.

– Металлика хоть и бэушная, но хорошая, проверенная. Ни одной железки не пропустит, точно говорю.

Они примяли траву, которая местами доходила до пояса, и разложили на мягком зеленом ковре газету. Стас нарезал вареную колбасу крупными кусками.

– Тут клёво, да? Село-то вышло-кончилось лет десять назад, а Википедия об этом знать не знает!.. – более опытный охотник хохотнул и взял еще один бутерброд. – Избы, наверное, успели растащить или сжечь. Но нам так даже лучше: фундаменты прощупаем – точно без улова не останемся. Тут еще одна деревенька была недалеко – Козловка, но там уж никаких следов не отыщешь.

Стас слушал его с уважением. Всё-таки его напарник в полевой нумизматике смыслит куда больше: каких только старинных монет не перебивало в руках Толяна! Он и находил, и менял, и продавал их сотнями. А у Стасика была коллекция всего монет в семьдесят, ну и бумажных немного – червонцы да трешки дореволюционных времен. И это – за шесть лет собирательства!

По уверениям Толяна, он такую коллекцию мог за две удачных вылазки состряпать. Не удивительно, что у его менее опытного товарища горели глаза и ноги сами порывались идти вперед – к таинственному высокому деревянному зданию, которое они увидели в зеленых зарослях.

***

Выцветшие одежды и лица святых едва проступали наверху – почти у самого купола бывшей церкви. Стас заметил, что у Христа, парившего над их головами, чья-то настырная рука выскоблила глаза, оставив вместо них два рваных углубления. Стены первого этажа были

покрыты сложной вязью разномастных надписей – от признаний в любви, имён и дат до матерных слов и неприличных рисунков.

– Народное творчество, однако... – бормотал Стасик вполголоса, разглядывая граффити многочисленных визитеров. Юный нумизмат чувствовал себя немного странно – так, будто не он разглядывал стёршиеся лица подкупольных святых, а наоборот – внимательно рассматривали его. И всё никак не могли насмотреться.

– Кажись, тут вместо церкви кинотеатр раньше работал! – басом, как батюшка с амвона, провозгласил откуда-то сбоку старший охотник за монетами. – Вон видишь дыры в стене с двух сторон? Это для проектора. А вон на той – противоположной – стенке, наверно, экран висел.

– Наверное, – согласился Стас. – Клуб был. Это еще хорошо. А то могли и зернохранилище устроить.

– Тут нужно всё с металлоискателем облазить. Лучшего места для монеток, чем церковь бывшая, не найти! – сказал Толян и немедленно приступил к делу.

Они провозились в самом здании около часа; еще столько же потратили на поиски у высоких металлических ворот, задраенных наглухо, словно вход в подводную лодку. Когда-то церковь была разделена на два яруса, но неумолимое время перекроило всё по-своему: пол второго этажа почти везде обрушился, оставив небольшие островки торчащих деревяшек и линолеума. Ступени теперь вели в никуда, и это друзей вполне устраивало: лезть наверх они не собирались.

Металлоискатель звенел, в основном, на железки – кованые гвозди, скобы и подобную, как выразался Толян, чернину.

– Я хоть и фильтры на металлик включил, а всё равно она реагирует на железяки. А нам медь и серебро нужнее.

Опытный нумизмат-охотник уже не раз наставлял своего напарника, как правильнее работать с гудлом. Если прибор издавал круглые звуки, то это точно означает удачу.

– Вот водишь из стороны в сторону – если пикает ровнёхонько везде, то точно наткнулся на круглый предмет. Можно, конечно, и рубль бухарский выкопать, но есть шанс и нечто покруче достать.

Бухарским рублем Толян называл алюминиевые пробки с водочных бутылок, которые были в ходу в советскую эпоху и в начале 90-х годов.

Поиски рядом с бывшей церковью ничего особенного не принесли: сапёрная лопатка извлекла на свет Божий лишь несколько копеек времен полета Гагарина в космос. Зато под ступенями полуразрушенного крыльца помаевского клуба металлоискатель обнаружил целое скопление каких-то круглых предметов.

– Это любопытно... – протянул Толян. – Здесь покопать надо основательнее, но для начала придется крыльцо доломать. Давай на завтра это оставим. Сегодня надо пробежаться по всему селу и заночевать поискать где.

На плече Стаса болталась скрученная в тугую сосиску небольшая палатка, которая должна была послужить им пристанищем на ночь. Друзья побрели от церкви в сторону пригорка, продираясь сквозь заросли разномастных колючек и сушняка.

– Тут, по логике, где-то кладбище должно быть, – рассуждал Толян, который плелся первым. – Но, может, и не осталось уж ничего.

От холма по левую руку располагались бескрайние кувайские леса. С правого бока виднелись заброшенные поля. Самое интересное было впереди: зеленело-белело плотное скопление берез и других деревьев, которые, скорее всего, скрывали кладбище; и – главное – в полукилометре от наблюдателей серела крыша уцелевшей избы.

– Вот это круто! – выдохнул Стас. – Дом остался! Полазаем там?

– А то! – заулыбался старший. – Зря мы, что ли, сюда припёрлись? Наверняка найдем что-нибудь этакое...

Вечерело. Они ускорили шаги. Если бы кто-то вдруг приподнял Стаса на высоту парящего квадрокоптера, он увидел бы расходящийся, разбегающийся в разные стороны рисунок улиц исчезнувшего Помаево. Над фундаментами изб цвет травы неуловимо менялся, приходил в какое-то неистовство, переливался оттенками чужого, инопланетного изумруда. Время от времени попадались заросли старой, слегка пожелтевшей крапивы; сухие столбики прошлогодних колючек сцеплялись с их молодыми, свежими собратьями; на самом нижнем ярусе пробивалась своя, особая, желто-коричневая травяная жизнь, в которой протаптывали незаметные тропки чугунные ножки муравьев и красных солдатиков. С широких крон прицерковных деревьев, которые остались позади, недобро каркали воробьи. Прямо над головой в темнеющем небе зависла небольшая птичка, своими переливами настраивающая всё село на вечерний лад.

Вокруг избы сохранился местами забор, а за ним друзья заметили окученную картошку.
– Во как! – сказал Толян. – Неожиданный номер. Неужели кто-то здесь еще живет?

Однако провалившийся шифер на крыше вроде бы говорил об обратном.

– Ну, чего? Посмотрим хату? – спросил старший и, не дожидаясь ответа, нырнул за угол дома, где находилась входная дверь. Замка не было, на полу в сенцах валялись старые газеты, погнутая крышка от алюминиевой кастрюли, старые цветные тряпки. Пол заскрипел под тяжестью Толяна, за ним в избу зашел его друг.

– Кто-то тут точно бывает, – слышался через минуту голос старшего, успевшего оглядеть три небольших захламленных комнаты избы. В одной из них в красном углу стояла икона, внутри, за стеклом, украшенная серебряной фольгой.

– Как думаешь: имеет она какую-нибудь ценность? – спросил Толян подошедшего Стаса. Старший снял изображение Божьей Матери с угловой полочки и попытался рукавом стереть толстый слой пыли со стекла.

– Не знаю, – ответил юный нумизмат и отвел глаза в сторону. – Лучше, наверно, на место поставить...

– Да я так – просто. Мне на картинке плевать, я монеты собираю, – хмыкнул старший и положил икону на растрескавшийся подоконник. – О, смотри – какие-то рогатки висят! Возле печки – видал?

Рядом с хорошо сохранившейся побелённой печкой на стенном крючке действительно висело собрание крючковатых палок, напоминавших большие рогатки.

– Зачем такие, не знай? – спросил Толян: он уже заскучал, стал позёвывать и чесать левую руку. – Чё, пойдем? Нет тут ничего. Монеты тут тоже бесполезно искать. Лучше бы найти место бывшего магазина – вот там наверняка попадется что-нибудь. И по фундаментам домов пошариться. Но это завтра. Где ночевать-то будем?

Удобное место для ночлега они нашли недалеко от церкви рядом с мелкой, но широкой речкой, на противоположном берегу которой сквозь осоку и камыш проступали черные развалины то ли сарая, то ли бани.

– Тут вот под пригорком костер разожжем, а вон там палатку поставим, – распорядился старший. Они стали возиться с установкой палатки, а затем Толян отослал друга за дровами.

– Иди вдоль берега – там должны быть дровишки. А я пока бутеров нам настрогаю.

Совсем стемнело. Стас, подсвечивая себе смартфоном под ноги, побрел вниз по течению. Воздух заметно посвежел; хотелось уже глядеть на костер, весело швыряющий искры вверх, жевать бутерброды и строить планы на завтра. Ему показалось, что нечто холодное вдруг коснулось его щиколотки, а затем ускользнуло куда-то вбок. Озноб волною прошелся по его спине, и студент заспешил дальше. Слава Богу, сухие ветки обнаружили всего через несколько шагов. Он схватил столько, сколько смог, и уже повернулся, чтобы идти обратно.

«Коля! Ко-оля-а!» – голос был женский. Его интонации были знакомы Стасу с детства: так звали ребенка, до вечера заигравшегося во дворе на песочнице. Студент замер и начал оглядываться по сторонам. Смартфон пришлось спрятать в карман, чтобы сподручнее нести

дрова. Глаза еще не привыкли к темноте, и он безуспешно пытался разглядеть силуэт той, что звала.

Всё так же по-смоляному чернел остов бани на противоположном берегу. Ночные птицы и насекомые неспешно играли свой обычный концерт. Нигде ничего не двигалось и не шевелилось. Стас сглотнул ком, застрявший в горле, и почти побежал к палатке.

– О! Я же говорил: найдешь. Я еще днем этот бурелом приметил. Щас у нас костерок будет, – Толян принялся об колени ломать сухие ветки. – Шашлык, наверно, на потом оставим – не пропадет мясо, как думаешь?

Стас замотал головой, а потом присел на корточки.

– Ты чего какой?

– Толь, ты ничего не слышал?

– В смысле? – старший уже чиркал спичкой, тоже приземлившись на корточки возле сложенных вигвамом дровами.

– Голос... Крик женский.

– Женский? – костер разгорелся с первого раза. – Да ты чё? Откуда тут? Хотя, может, с Паркино кто? Наверное, ветер звуки донёс – такое бывает. До Паркино тут несколько километров по прямой, если полями идти. Там, в принципе, много народу еще живет.

– А-а! – Стас с облегчением выдохнул и сразу же согласился с объяснением друга. – Точняк... А я уж тут... напугался немного.

– Ба! Ну-ка, ну-ка... Видал, что ты приволок вместе с дровишками? – старший напарник держал в руках нечто черное, похожее на оплавленный толстый пакет.

– Что это?

– Похоже на кожу змеиную. Они ее сбрасывают, обновляют гардероб, так сказать. Вот только не знаю: ужики тут ползают или кто посерьезнее. Надо бы палаточку-то на ночь поплотнее закрывать. Да... А кожу лучше сжечь! – и Толян подарил находку языкам костра.

Стас смотрел, как та быстро сморщивается, и думал о женском голосе, который звал неведомого Колю.

Глава 2

– Ну что: порядок? – машинист всматривался в лобовое стекло, по которому струилась дождевая вода. Бегущие навстречу рельсы вытягивались и слегка подрагивали, преобразенные влажной стекольной границей.

– Да вроде да. Ни черта ведь не видно, дядь Коль! – Петька вернулся на прежнее место, с которого он вскочил, когда заметил встречный товарняк.

– Всё в штатном режиме! – сказал старший в черную рацию, и та пробурчала ему в ответ что-то благодарно-неразборчивое. Помощник Петька слегка расслабился: это был его седьмой самостоятельный выезд, и четвертый – с таким аксакалом железных дорог, как Федорыч. Больше всего его напрягала обязанность вскакивать, как только на горизонте маячила встреча. Он до рези в глазах всматривался в проносящиеся вагоны, боясь пропустить заискрéние либо какую-нибудь другую беду.

– Тут взаимная помощь, Петр, никуда от этого не денешься: мы смотрим их вагоны, они – наши. Знаешь, сколько раз спасал жизни такой обычай? Бессчетно! – наставлял его старший, и Петька, вздохнув, кивал головой: надо так надо.

По слухам, Федорыч работал на «железке» уже лет сорок – старше его на всей Куйбышевской железной дороге, наверное, никого не было. Он водил и пассажирские, и маневровые, лет десять отпахал на электровозе, но родной считал все-таки дизельную вторую ТЭМ-ку. Два года назад его пересадили на пригородный, и старый машинист относился к этому как к личной трагедии.

– Пора, пора мне, Петр, закругляться! – любил повторять Николай, когда они вставали на светофорах или на долгих станциях. – Вот тебя обучу – и баста, карапузики. Поеду в свою деревню – заждалось меня Помаево родное!

Про «Помаево родное» Петька знал, казалось, всё, потому что Федорыч любил поговорить на эту тему. Три брата-основателя, знахарь Борькай, Белое озеро, клуб в здании бывшей церкви и... охота.

– Охота, Петр! Знаешь, какие там леса? Кувайская тайга – слышал такое? Наши старики говорили, что раньше даже на медведей напороться можно было. А кабанов-то я сам видал – неоднократно. Но, в основном, я на зайца и вальдшнепа хожу. Лисиц и волков трогаю редко – а на черта они мне?

Федорыч в последний раз был в своем родном селе в конце июня. Пытался поправить прохудившуюся крышу, даже посадил картошки немного в огороде. Земли теперь свободной было – хоть чемпионат мира по футболу проводи. Во всём селе больше изб не осталось: кто-то сам вывез на сруб, остальные дома либо сгорели, либо пали жертвой мародеров.

– Сволочи – те всегда найдутся, не пропадут, – сетовал Николай: он всегда так называл тех, кто, словно падальщики, нападали на еще не остывший труп его Помаева. – Ведь в 1995 году там жизнь ключом била! Верись, нет? И МТС, и кузница, и детсад, и магазины – всё было. А сейчас – ничегошеньки не осталось. Жалко, как же жалко...

И Петька в эти моменты замечал, что вода струится не только по лобовому стеклу их локомотива.

***

В следующую смену аксакал железной дороги пришел мрачнее тучи. Буркнул что-то Петьке вместо обычного приветствия и отправился проверять оборудование после предыдущей бригады.

Помощник испробовал все известные ему способы разговорить старого машиниста. Применил даже запрещенное оружие – упомянул про Помаево. Но на Федорыча такой прием оказал обратный ход: он поскуучнел еще больше.

Они проехали несколько станций в полном молчании, и Петьке самому отчего-то стало так грустно, что захотелось стонать-выть, словно испорченный паровозный гудок.

– Смотри, Петр, смотри внимательно! – вдруг произнес машинист. Помощник вздрогнул от неожиданности и стал пялиться изо всех сил в лобовое и боковые стекла. Облезлые рощицы с мелколистными деревьями сменялись полями; деревянные и бетонные столбы перебегали с места на место, спаянные волнами бесконечных черных проводов. Вроде бы всё как обычно.

– Чего смотреть-то? – наконец-то не выдержал молодой.

– А? – словно очнулся от полусна Федорыч. – Смотреть? А я тебе не рассказывал, что ли? Э-э, брат, тут место-то непростое, святое! Раньше, в незапамятные времена, стояла там железнодорожная будка – ну, домик небольшой, видел такие, наверно, где-нибудь? Так вот: жил в нем Саня-Лапоть, путейщик от Господа Бога. Сам маленький, с бородёнкой, волос светлый, глаза навывкате...

Все – и машинисты, и помощники, и кочегары (тогда и кочегары были!) – знали его как облупленного. И не было такой бригады, которая хотя бы на пять минут не остановилась бы возле его будочки и не приняла бы «путевóго». Понял, про что глаголю, Петр? Ага. Самогон у него был – как маточное молочко! Боже ж ты мой – ум отопьешь!

– Пили? И машинисты даже? – усомнился молодой.

– А то! Ну не надирались, как свиньи – это понятно. А так – граммов по сто хапнут святой водицы – и пошло-пошло-пошло!.. Это сейчас тебя проверками задолбают: туда дунь, сюда сплюнь. Проверяльщики хреновы. Тогда люди другие были: сами за собой следить умели. А пять минут постоять в то время – нет проблем. График соблюдали как «Отче наш», ты не думай. Но мимо Сани-Лаптя проехать – это же грех непрощённый. Пути не будет! – Федорыч разулыбался.

Петька тоже было расцвел. Но затем возобновилось тягостное для молодого, растущего организма молчание. Рельсы сходились и расходились, сходились и расходились; провода по бокам плавно плыли от столба к столбу; время замерло на месте, как взгляд на фотографии.

– Петр, вот тебе когда-нибудь снились такие сны... – прервал мерный стук железных колёс голос старшего. – Такие сны... Не знаю даже, как сказать. Вот не вещице, нет. А вот будто ты там. Весь, целиком. А?

– Где там? – тут помощник вскочил, заметив встречу. Отвлекся на пассажирский из Уфы и Николай.

Когда последний вагон простучал мимо и короткие переговоры по рации закончились, молодой помощник сам напомнил о прерванном разговоре:

– Так чего там про сны-то, дядь Коль?

– Да, – согласно закивал головой его собеседник. – Про сны! Вот взять хотя бы сегодняшнюю ночь: чертовщина сплошная. Подхожу будто я, Петр, к своей избе – ну той, что в Помаево. Темно, вечер... И такое у меня чувство, Петр, вот не объясню: холодок какой-то по спине бегаёт. А рядом со мной – парень идет какой-то. Смуглый, черный волос – не разберешь особото, ночь ведь. И вдруг по улице (ну там щас улиц нет – так, заросли одни) начинают загораться огни. Не огни, а окна домов. А я ведь знаю, что изб-то здесь никаких нет и быть не может: кончилось Помаево мое горемычное.

Тут вспыхнет, там зажжется: осветилась *Од-улица*, как полоса взлётная. А у меня радости в душе совсем нет – наоборот, страх какой-то, дикий, звериный. И тут замечаю, что парень этот, смуглый который, бочком ко мне как-то стоит. «Ага, – думаю. – Это что же ты, уважаемый, лицо от меня прячешь?». Кладу ему руку на плечо, пытаюсь его развернуть, а он ни в какую! Ну я тогда уже с азартом – разворачиваю его, а у него на лице – черви копошатся! Мертвяк, блин...

– Тьфу! Да ну тебя, дядь Коль! – передёрнул плечами молодой помощник. – Не люблю я такого: самому потом ночью дрянь всякая привидится...

– Вот и я не люблю, – закивал машинист и замолчал ненадолго. – А ведь я его узнал, смуглого-то. Это уж потом, как проснулся. В школу вместе с ним бегали – в старшие классы, в соседнее село. Его в грозу убило, мне тогда лет пятнадцать стукнуло...

Снова на горизонте замаячила встреча.

***

В этот раз Федорыч поехал не на «УАЗике» –сапоге, а на допотопной девятке, которую он лет сто назад отдал старшему сыну. У того, понятно, через год-другой образовалась потрепанная иномарка, и девяточка снова перекочевала к отцу.

– Куда тебе две машины? – ругалась Маша, его жена; так-то она редко выступала, но иногда и на нее находило. – Продай хоть одну! И так концы с концами связать не можем.

Но старый машинист отмалчивался и не продавал своих боевых коней. Девятка девяткой – на ней, конечно, по городу удобней. И жрёт поменьше. Однако ж на этом корыте разве до Помаева доберешься? Да оттуда после первого же хорошего дождя хрен вылезешь! Не-е. Маша, конечно, умница, но в этом деле ничего не смыслит.

Впрочем, как известно, человек предполагает, а Богу виднее: еще накануне вечером Николай всё проверил, а утром его сапог камуфляжного цвета отказался заводиться. Напрочь. Ну что делать? Кто его знает, сколько он еще провозится – может, до полудня! А выходных у него всего два. Поэтому машинист сплюнул, обтёр губы и перекидал весь охотничий скарб в багажник и на заднее сиденье светло-зеленой девяточки...

Был такой поворот по дороге из Ульяновска, который он про себя называл «мой». С каким бы настроением он ни выехал из города, как бы у него ни болело и ни ныло левое плечо (последствие одной охотничьей истории) – когда до «моего» перекрестка оставалось несколько километров, сердце его ускоряло бег, и губы сами растягивались в улыбку.

Именно здесь в Усть-Урэне они отгуляли свадьбу с Машей – много-много лет назад. Столовая как раз была недалеко от поворота; сейчас там располагались мелкие забегаловки. Он всегда останавливался возле одной из них, степенно здоровался с хозяйками и просил борща. Непременно борща и пирожков с зеленым луком и яйцами – с десяток штук.

– Опять на охоту? – спрашивала его Валя, внучка Екатерины Сергеевны – той самой Кати, за которой он ухаживал давным-давно – еще до того, как встретил жену.

Федорыч важно кивал и садился за свой любимый столик – возле окна. После борща брал второе – какие-нибудь макаронны с двумя сосисками. Потом – чаю.

– Там хоть чего-нибудь осталось? В Помаево-то вашем? – снова слышал он звонкий Валин голос.

– Осталось, – отвечал он. – Церковь стоит. И кладбище. Вот ведь странность....

– Что за странность, Николай Федорович? – Валя уже спешила к соседнему столику, куда приземлились два дальнобойщика. Он понимал, что его ответ прозвучит напрасно, никому не будет нужен – как и само Помаево. Но сдержаться себя не может.

– Странно, Валя, то, что сейчас самая живая часть села – это кладбище. Туда еще приезжают, за могилками ухаживают, кто-то даже подкрасил забор и ворота в прошлом году. Понимаешь? Для живых села уже нет, они его бросили, а мертвые родной земли не предают. Никогда...

Затем он медленно пил чай – из большой белой кружки с дурацким логотипом сотовой компании. Иногда просил подлить еще. Ведь в Помаево нельзя торопиться. Мертвое село не терпит суеты.

«Коля-а! Ко-оля!» – живо, реально, как в галлюцинации, он слышал голос матери, зовущей его домой.

Как они тогда велосипед-то нашли!.. Да, да... Вот смеху-то было! Это поначалу. А потом оказалось, что велосипед – дяди Борькая. До сих пор холодок пробежал по его спине, когда он вспоминал о том случае из детства.

***

Он водился тогда с двумя братьями Петровыми – с *Verené*. Петровы – это по-уличному, прозвище по отцу. Так-то у них фамилия была Покшаёвы. Братья хоть и считались двойниками, но похожи были друг на друга, как вилка на бутылку. Один, Сенька, – тонкий и смуглый, будто татарин. А другой, Пашка, приземистый и с квадратным лицом, больше напоминал мордвина. В Помаево, как выражался их местный учитель-историк, всяких кровей понаменшано – замучаешься разбираться.

Коле в то время стукнуло четырнадцать лет. Лето выдалось жаркое и влажное. С кувайских лесов и болот каждый вечер прилетала невиданная туча злющей мошкары, поедом евшей и скотину, и людей. Но днём было раздолье. Они с братьями не вылазили с берега Белого озера: Помаевка тогда текла веселей, и ил на дне не втягивал еще ноги купающихся с такой болотистой силой, как сейчас.

Велосипед обнаружил Пашка. Двухколесное сокровище припрятали в самых зарослях – так, чтобы никто не зацепился за него случайным взглядом. Но от мальчишек разве что укроешь?

– Ребя! – заорал он, вылезая из кустов, куда убежал, чтобы справить большую нужду. – Я велик нашел! Целый!

– Офигеть! – подтвердил его брат, уже через несколько секунд оказавшийся рядом с железным конем. – Целёхенький! Может, кто припрятал?.

– А наплевать! – возразил другой двойняш. – Мы нашли – значит наш!

Троица быстро уволокла найденное за село. Там они до самого вечера катались по очереди по протоптанным скотиной и людьми полевым дорожкам. А уж совсем затемно, когда за кровавым ужином поднялась с болот злая мошкара, мальчишки схоронили велик в зарослях крапивы: так оно надежнее будет.

Утром на следующий день Коля поехал с отцом в Никитино на совхозном грузовике. Обычно он любил помогать папе в его разъездных делах: тот всю жизнь трудился бухгалтером, его знали и уважали во всем Сурском районе. Но в это утро мальчику ехать не хотелось. Хороший велосипед действительно считался великим делом; у братьев Петровых валялся в сарае какой-то раздолбанный драндулет, а Коля – так тот и подавно мог подребезжать велосипедной цепью лишь в долг, выпросив покататься у одного жирдяя с соседней улицы.

«Накатаются там без меня! Раздолбают велик так, что потом на него и не сядешь. А я тут с отцом – как последний дурак!» – с тоской думал он, считая минуты до того момента, как отец освободится от своих скучных дел, связанных с ревизией. Это он потом – уже годы спустя – благодарил Бога, что не остался в тот день в Помаево и не перешел дорогу дяде Борькаю.

– Ха! Ты понял, да! Он к нам домой прям с утра нарисовался. Мать только после дойки вернуться успела, а он уж на пороге стоит, зыркает! – рассказывал ему смуглый Сенька, стараясь придать своему рассказу весёлый характер: дескать, вот ушлёпок так ушлёпок этот старый пердун. Вот уж смешно так смешно! Ага, насмеялись они тогда досыта – до той самой грозы, после которой смуглого пришлось закапывать рядом с его дедом, по правую руку.

– Твои у меня велосипед украли. Пусть вернут! – знахарь якобы так и сказал. Прямо на пороге. И ушел.

Мать руками всплеснула, сунулась к сыновьям – те еще на терраске нежились, просыпаться не хотели.

– Мы ей сразу: какой там на фиг велосипед. Знать не знаем, ведать не ведаем. Что там этот сумасшедший дед выдумал! Пошел он подальше!.

Ну мать что: поохала, поахала. Старшего Петрова, отца их, вообще тогда не было: уехал в город, недели через две, что ли, вернулся только. Ну на этом вроде бы и закончилось. Мать попричитала, погрозила им, сказала, что Борькай обманывать никак нельзя: он, мол, всё видит. А мальчишки что: пёс с ним, с этим дураком старым! И убежали – сначала на речку, а потом – к крапиве за велосипедом.

А ближе к вечеру, в тот момент, когда Коля с отцом трясся в грузовике, едущем из Никитино, дядя Борькай вырос перед ними, словно из-под земли. Братья даже остолбенели поначалу.

Смотрит он на них: брови у него седые, кустистые, глаза глубокие и черные. В руках – палка. Он без этого сучковатого посоха вообще из избы не выходил, разве что когда верхом ездил на своем железном коне. Зачем палка ему нужна была – никто не знал. Борькай ходил по-молодому, спину держал прямо. Частенько, кстати, видели его на том самом велосипеде: не любил он терять время на долгую ходьбу.

– Давайте, парни, по-хорошему. Покатались и буде. Мне по ягоду надо съездить. Травки кой-какой собрать. В лес нужно мне... – сказал и молчит. Ждет.

Братья посмотрели на него, потом друг на друга. И загоготали, дурачье.

– Наш это велик, дядя! Попробуй докажи, что не наш! Мы его нашли, понятно?! – и дёру дали. Один на колёсах, другой бегом.

В этот день Коля с Петровыми так и не увиделся: вернулись они с отцом из Никитина уже в темноте. Вечером старый Борькай снова вырос на пороге избы Петровых.

– Ты, Надежда, женщина умная. Всё понимаешь. Я ведь тебе помогал. С этими оболтусами, кажись, ко мне и приходила. Грыжа ведь у одного была. Так?.

Бледная мать кивала головой и божилась, что допрашивала сыновей с пристрастием, но те отказываются от всего.

– Не брали, говорят! Что с дурней взять? Вот отец вернется – он уж с них не слезет, душу им всю вытрясет. Если они взяли – вернут, вернут, дядя Борькай! Куда они денутся!

– Не с руки мне, Надежда, ждать две недели. Мне транспорт сейчас нужён. У травы сила нарела: я на нём, на раме, траву вожу. Скажи, чтоб отдали, слышь?

И ушел.

А братья в тот вечер успели попасть в историю: Пашка катался по лесной просеке, наехал на сосновый корень в руку толщиной, который незаметно торчал в листве. Переднее колесо погнулось, крышка лопнула. Петровы, не долго думая, сняли оба колеса с рулем и унесли к себе в сарай. А металлический велосипедный остов утопили в здешнем болоте – от греха подальше.

Через два дня мальчишки снова повстречались со старым знахарем в проулке, ведущем к клубу. И Коле опять повезло: братья Петровы были без него; вдвоем и дело совершили.

– Транспорт-то мой когда вернёте? Или уж утопили где? – голос у Борькай спокойный, с хрипотцой. Он, когда лечил, никогда не шептал – так, как это делали все бабки-лекарки. Всегда говорил молитвы-заговоры вслух, четко и со значением. С хрипотцой.

– Пошёл ты, дядя, со своим великом! – вдруг заорал Сенька. – Не брали мы его, и не докажешь ты ничем, понял!? Привязался, как банный лист к заднице! И не ходи больше к нам, а то вон вечером встретим в темном месте, понял?

Ну и всё. Борькай смолчал. И Пашка, Сенькин брат, тоже не сказал ничего. Наверное, поэтому и жив остался, хоть и уехал из Помаева навсегда – ровно через год, как в Сеньку молния попала.

Люди разное про то судачили, но Николай-то знал изнутри, как дело было. И никогда никому про это не рассказывал. Даже Петьке – своему помощнику, который, как тому казалось, знает про Помаево всё. Ведь старый машинист любил повспоминать о родном селе, когда их пригородный стоял на светофорах и долгих станциях.

Глава 3

Утром они пошли к заброшенному зданию бывшей церкви.

– Что-то холодно по ночам на земле-то голой лежать, – ворчал Толян, вооруженный поскуливающим гудлом. – Дно у палатки тоньше, чем волос в причинном месте. Надо что-нибудь теплое найти: соломы, что ли, натаскать? Или на крайняк – в избе этой дурацкой заночуем. Всё потеплее. Ну а завтра – домой пошлём. Как на такой план смотришь?

Стас закивал. Он с утра был молчалив и задумчив. Что-то снилось ему этой ночью – что-то неприятное и тяжелое. Но, слава Богу, подробностей он не помнил.

Кстати, Толян-таки угадал: Стасу действительно пришлось провести вторую ночь в сохранившейся помаевской избе. Да только вот спал он там один одинёшенек, без своего многоопытного товарища.

– Так, начнем-с!.. Вот крыльцо – давай-ка расчистим тут завалы, – любимое дело подняло настроение у Толяна. Да и начинающий нумизмат тоже оживился.

Друзья принялись доламывать церковное крыльцо, освобождая пространство для работы металлоискателя. Уже минут через двадцать первый радостный крик огласил заросшие окрестности бывшего села.

– Рупь! Тыща восемьсот второй год! Ну ни фиги себе! – Толян почти танцевал, показывая другу грязный кругляш. – Я же говорил, я же говорил! Да тут клад самый настоящий! Ё-моё!

Через час-другой их восторг, однако, поубавился. Сотоварищи нашли в общей сложности еще монеток двадцать, и все – времен совхозов и покорения космоса.

– Фу-у! Ну и жарница. Давай перекусим, а? – Толян вышел из здания бывшего клуба, стянул с себя футболку и закинул ее на ветку ближайшего дерева.

– Искупаться бы... – мечтательно протянул Стас.

– Где? В этом тухлом ручье? Нет уж. Я пас. Давай лучше костерок и шашлыки. Угу?

Подготовка к обеду отняла у них часа два. В пекло работать не хотелось, они ждали, пока хоть немного спадет жара. Толян даже умудрился вздремнуть. Вот в этот самый момент Стаса приспичило. Студент порывлся к рюкзаку, добыл смятый рулон туалетной бумаги и поспешил в сторону ручья: там как раз росли замечательные кусты. Хотя тут никого, кроме них с Толяном, и не было, но столь интимное занятие всё равно требовало некоторого укрытия. Когда дело было сделано, юный нумизмат решил вернуться другой дорогой – вдоль берега ручья. Проходя то место, где ночью ему почудился женский крик, он снова ощутил озноб. А затем его левая нога наступила на что-то мягкое.

Стас успел лишь опустить глаза вниз, как вдруг почувствовал резкую боль чуть выше лодыжки – там, где заканчивались его подвернутые джинсы. Что-то громко зашипело, он резко отпрянул в сторону и заметил извивающееся черное тело, шмыгнувшее куда-то в расселину между корнями деревьев. Пару секунд он стоял, не понимая, что произошло. В голове было пусто, сердце стучало, словно колокол. А затем дикая боль в левой ноге заслонила всё остальное в мире.

Стас быстро присел на землю и, задрвав брючину до самой коленки, начал внимательно осматривать две кровавые глубокие ранки на ноге. Жгучая боль всё усиливалась, место укуса уже начало понемногу вспухать, словно дрожжевое тесто.

– Чёрт! – сказал Стас вслух и вздрогнул от звука собственного голоса. – Меня только что цапнула змея. Долбанная гадюка! И что мне делать? Толя-ян!

Его охватил страх – почти паника. В то же время он почувствовал какое-то необыкновенное возбуждение, сладкими, медовыми волнами накатывающее на всё тело. Уже спустя две минуты он расталкивал своего разомлевшего от жары друга.

– Толян! – бледные губы укушенного кривила странная усмешка, глаза были расширены. – Вставай, вставай, говорю, мать твою! Меня гадюка цапнула, слышишь?!

Старший медленно моргал, затем мельком глянул на две кровавые точки на ноге товарища и кивнул, будто видел такое каждый божий день. Затем сладко зевнул, показав Стасу две пломбы на коренных зубах.

– Ну ты даёшь!.. Вода у нас далеко? Пить хочу – не могу.

Пока проснувшийся рылся в рюкзаке в поисках минералки, Стас молча следил за ним. Ему чудилось, что каждое движение его товарища происходит жутко медленно, словно тот плыл сквозь прозрачную густую сладкую жидкость.

– Что мне делать, Толь? А? Я умру? – спросил начинающий нумизмат. Голос его был так спокоен, что мать Стасика, пожалуй, завопила бы от ужаса: только она знала, как у ее сына проявляется крайняя степень паники.

– Дурак, что ли? Это полная ерунда. От гадюк никто не умирает. Редко очень. Вот если бы она тебе в шею вцепилась или в щеку прям присосалась – это другое дело. А тут – как оса. Распухнет и пройдет.

– Это точно? – Стас начал всхлипывать. – Ты это точно знаешь?

– Да конечно! Ну ты еще разревись, девочка моя! Говорю: всё хоккей будет. Аллергии у тебя нет? Не знай? Ладно, ты тут посиди, тебе двигаться поменьше надо – я читал в Инете про такое.

Стас кивнул, а Толян пошел за церковь – помочиться. Когда тот вернулся, укушенный тыкал пальцем в смартфон.

– Бесплезно, да? Тут не ловит ни хрена. Это надо в сторону Астрадамовки идти. Может, в Паркино есть связь. У тебя Билайн? У меня тоже. Не-е, связи нет.

– Толь, мне плохо... Тошнит. И... – бледный студент осторожно передвинул левую ногу. – И нога прям горит огнем!

– Да ла-адно! Дай-ка погляжу, – старший присел на корточки и, внимательно посмотрев на ползущую вверх опухоль, зацокал языком. – Да, дёрнула она тебя здорово. Яд шас бесполезно отсасывать – всё уж в кровь проникло. Да и не рекомендуется это: вред только один.

Они помолчали. Сладкое возбуждение уступило место сонливости. Стас икнул и виновато улыбнулся. Потом снова икнул.

– Да, выглядишь не важнецки. Чё-то прям быстро у тебя – за двадцать минут каких-то. Ладно. Я вот что думаю: тебе надо покой, может, поспишь немного. Я тебя сейчас в избу отведу, а сам пойду по полям – до дороги. В сторону Астрадамовки. Как дойду до того места, где сотовый ловит, «Скорую» вызову... Только вот как она до сюда доедет – асфальта-то нет? По полям придется. Пошли.

Он решительно потянул Стаса за плечо и, когда тот поднялся, повел его к холму, откуда был виден дом. Укушенный шел прихрамывая, но в целом юный нумизмат выглядел уже чуть получше. Так по крайней мере показалось старшему.

– Ну вот! Ожил немного! – сказал Толян с одобрением. – А то совсем раскис. Сейчас ляжешь, а я побегу за помощью. Тут сыворотка нужна специальная. Только вот не знаю, куда лучше бежать: до Паркино-то поближе, но я боюсь заплутать. Весь вопрос – есть ли там хоть какой-то фельдшер? А связи там точно нет...

Старший рассуждал об этом вслух всю дорогу, которая показалась Стасу бесконечной. Ему невыносимо хотелось спать, а дышать становилось всё тяжелее.

– Та-ак... Вот тебе лежаночка поудобнее. Гудло мы пока в сторону отставим: я его сюда вот в уголок размещу, ага? А ты ложись-ложись, – Толян вдруг стал суетливым. Он старался не глядеть на мертвенно-бледное лицо друга и особенно – на его посиневшую и отвратительно раздувшуюся лодыжку.

– Ты не думай. Я прям належке – быстро побегу. У тебя тут вода, всё есть. Пей побольше. Часа через два точно обернусь – какого-нибудь врача тебе притащу, куда они денутся? Тут человек умир... – старший запнулся. – Ну всё, брат, отдыхай. Я – мигом!

Когда его друг испарился из избы, Стас чуть склонился вниз (он лежал на полуразвалившейся кровати, наспех покрытой ветровкой Толяна), и его вырвало прямо на грязный деревянный пол. Почти минуту он смотрел на выцветшую светло-коричневую половую краску, по которой расплывалось мокрое пятно плохо переваренной еды, а затем положил голову на сложенные лодочкой ладони и закрыл глаза.

***

– Тебе какого лешего надо здесь? – голос был молодой и наглый.

Стас разлепил веки и искоса посмотрел на говорившего. На запылившейся табуретке рядом с голландкой сидел худой узкоплечий подросток со смуглым, выгоревшим лицом. Неожиданный гость смотрел не на укушенного, а в белесую помаевскую даль сквозь треснувшее, запыленное окно избы. Студент перевел глаза на свою большую ногу и заметил, что опухоль уменьшилась.

– Ну чё молчишь-то? – опять спросил мальчишка. – Это у тебя времени вагон, а мне тут не с руки сидеть и ждать.

– Ты кто? – студент выдавил из себя слова с трудом. Ему вдруг сильно захотелось пить, и он привстал, чтобы дотянуться до пластиковой бутылки, торчащей из рюкзака.

– Дед Пихто! – отозвался хмурый подросток. – Кончай валяться здесь, вставай давай, пойдем.

Юный нумизмат присосался к минералке, пластиковая бутылка начала сужаться в его пальцах и потрескивать. Когда он оторвался от горлышка, смуглый уже приподнялся.

– Я два раза повторять не буду. Идешь?

Стас пожал плечами и опустил ноги на пол. Затем немного потянул ступню вверх, проверяя, не вернется ли жгучая боль.

– Ну чего ты цацкаешься со своей ногой? – смуглый раздраженно выдохнул воздух сквозь сжатые зубы; получился звук, похожий на шипение, и студент вздрогнул. – Всё у тебя заживет, как на собаке. Слушай, я серьезно: мне пофиг на тебя и твою лодыжку. Ты или идешь, или нет. В общем, я сваливаю, а ты оставайся здесь, жди своего друга-придурка!

И наглый подросток направился к перекошенной двери, скрепя половицами заброшенной избы.

– Эй, ладно, ладно, – примирительно позвал его Стас. – Я с тобой. Дай только рюкзак возьму. И гудро нельзя здесь бросать: оно денег стоит.

– Во пе-ень! – процедил сквозь зубы новый знакомец. – Ты на самом деле такой или прикидываешься? Оставляй всё здесь, никто ничё не тронет. У нас в селе можно дверь хоть палкой подпереть – никто сроду не зайдет. Это вы в городе за семью замками прячетесь, трясетесь вечно.

Охотник за монетами еще раз пощупал рукой чуть ниже колена левой ноги, боясь прикоснуться к опавшей опухоли, а затем кивнул: идти надо, он это понимал...

Как они добрались до берёз, Стас плохо помнил. Он почти не поднимал глаз от тропинки, стараясь шаг за шагом идти след за смуглым, так как боялся снова не заметить гладкокожую гадину, греющуюся на какой-нибудь кочке.

– Всё, дошли! – немного сутулая спина подростка заметно расслабилась. – Дальше сам. Там всё просто: заходишь в ворота, надо крючок поддеть с внутренней стороны. Оставь дверь открытой, потом ее закроешь, когда выходить будешь. Иди сначала прямо, там поймешь – синий высокий крест с домовиной наверху чтобы по правую сторону был. Домовина – знаешь, чё такое?

Стас неопределенно вскинул брови в ответ: не хватало еще, чтобы его тут просвещать начали. Подросток показал ему две ладони, соединенные в форме покато́й крыши дома.

– А-а, ну-ну... – начал Стас.

– Баранки гну. Так вот. Идешь прямо, могил пятнадцать пройдешь, потом налево проход будет. Двадцать шагов сделаешь и придешь, куда нужно. Там тоже крест и фотка. Найдешь, в общем.

– А что там написано? – спросил студент.

– Где?

– Ну фамилия какая?

Смуглый секунд двадцать сверлил его взглядом коричневых глаз, а затем выдохнул, выпуская раздражение, словно лишний пар из котла.

– Фамилия как? Борькаев. Петр Федорович. Запомнил? Сядешь там на лавку, посидишь. Как отпустит он тебя, назад воротись, и тогда уж ворота на крючок закроешь. Всё. Давай, – и подросток довольно-таки сильно подтолкнул студента в плечо.

– Наглые тут у вас все... – забормотал было юный нумизмат, но потом скривился и махнул рукой: с местными нефиг связываться. Да и идти действительно надо. Стас просунул руку в заборную щель, снял крючок, открыл невысокую калитку и, не оборачиваясь, пошел по прямой мимо могильных холмиков. Попадались деревянные кресты, обычные металлические трапезиевидные памятники со скошенным уголком и современные прямоугольники а-ля мрамор; где-то торчала оградка, а где-то – просто холм без каких-либо опознавательных знаков. Обычное сельское кладбище, он на таких сто раз бывал.

– Ишь ты, распоряжается тут ... – он всё еще злился на смуглого: этот сопляк младше года на четыре, а толкается, блин, указания дает.

Высокий крест с домовиной гость оставил по правую руку. Затем свернул налево. Памятник у дяди Борька и впрямь ничем особым не отличался. На черно-белой выпцветшей фотографии, прикрученной к кресту, – бородатое лицо с густыми седыми бровями над черными глазами.

– 1897-й – 1981-й. Нормально так пожил мужик... – такие размышления Стас обычно не произносил вслух. Оградки на могиле не было, зато рядом располагалась скамейка – свежыкрашенная, с металлической спинкой, как-то резко выделяющаяся своей светло-синей новизной среди остальной тусклой ветхости и запущенности. Нумизмат приземлился на нее и принялся оглядываться по сторонам. Смуглого и след простыл; тишина кругом – гробовая. Ни птиц, ни насекомых, ни ветерка.

Он поёрзал минут пять, потом привстал и снова сел.

– И сколько мне здесь еще сидеть? – Стас спросил это вслух – так, будто совсем отучился думать про себя. Он почти случайно снова взглянул на могильную фотку Борька и тихо охнул, заметив, что на старом керамическом овале ничего нет – одна сплошная белизна.

– Ну только не говори, что испугался... – где-то за спиной отозвался на его вздох мужской голос. – Я этого страх как не люблю.

Стас быстро обернулся и увидел бородатого мужчину лет пятидесяти. Он стоял, опершись на толстую сучковатую палку, и внимательно смотрел студенту прямо в глаза. Стоявший не улыбался, но от всей его фигуры, от его покаты́х худых плеч, расслабленной позы, какой-то неторопливости веяло добродушием. По крайней мере, никакой опасности Стас не почувствовал, и это его успокоило.

– Болит нога-то?

– Да так... Ноет.

– Ага. Ну, подвинься, подвинься, присяду с тобой, раз пришел, – мужчина присел на скамейку. Свой посох он заботливо прислонил сбоку к металлической спинке. – Вот и хорошо... Теперь и покалякать можно. Ты скажи, Стасик, сколько тебе надо?

– В смысле? – юного нумизмата почему-то совсем не удивило, что бородатый знает его по имени.

– Ну как «в смысле»... Вот мне Сенька, – это паренек смуглый, который тебя сюда привел. Не хотел он идти, кстати, не понравились вы ему оба сразу – как только пришли сюда. Ага. Так вот, Сенька мне всегда говорит, когда мы с ним об этом беседуем, ну вот прям как с тобой щас: «Дядя Борькай, не прав ты, мол, старый пердун! Счастье – оно у каждого свое. Вот им, говорит (это он про вас с Толяном, ага), нужна куча монет для счастья. Дашь им много, вот прям до хрена монет, – и они счастливы будут!». А я с ним спорю, у нас прям индо до слез иногда доходит, так вот спорим! Я ему в ответку: «Сенька, Сенька, как был ты бурелом, так и остался. Счастье, оно, может, у каждого свое, да только так выглядит всё на поверхности. А на самом-то деле мы все к одному идем, просто пути разные». Вот.

Бородатый замолчал, и сразу стало до боли тихо. Ни птиц, ни насекомых, ни ветерка. Стас тоже ничего не говорил.

– Ага, – вдруг снова продолжил Борькай. – Вот я тебя, Стасик, и спрашиваю: сколько тебе этих самых монет-то надо? Для счастья. Для настоящего. Так, чтобы ты радость подлинную ощутил. Чтобы прямо до слез, до дрожи, до сути самой. А? Вот разреши наш с Сенькой спор!

Стас опустил глаза и, найдя указательным пальцем едва заметный сучок в скамье, принялся его ковырять. Бородатый терпеливо ждал.

– Да это я так... просто. Коллекционирую, – наконец ответил он. Никакого стеснения юный нумизмат не испытывал: наоборот, ему неожиданно захотелось выложить всё начистоту. Просто он пока не мог подобрать слова.

– Ну-ну, – подбодрил его Борькай и почесал свою левую кустистую бровь. – Не юли. Бить-то тебя за это не будут.

– Ну вообще я с детства вот собираю. У меня почти сорок дореволюционных монет, а остальные так – по мелочи. Есть даже одна первой половины восемнадцатого века.

Дядька одобрительно кивал, как китайская игрушка, в такт каждому его слову.

– А тут мы как... Начали искать вроде, ну по сёлам, но там люди-то ходят, всё такое. А с металлоискателем сейчас особо-то не разгонишься: могут так штрафануть, мама не горюй. Вот Толян и говорит: «По сёлам надо заброшенным пройтись!». А я...

– Ну это да, да, – мягко перебил его собеседник. – Это я в курсе. Но ты на вопрос мой ответь. Вот сколько тебе надо?

Стас еще раз скользнул взглядом по лицу бородатого и увидел, что тот спрашивает его вполне серьезно. С интересом.

– Ну как... Тут ведь сразу не ответишь. Еще ведь важно, какие монеты. Вот если катки – ну там при Екатерине Великой которые – это, конечно, один разговор. А если советские, так этого добра везде полно, нам они и не нужны, по большому счету.

– Вам с Толяном пофиг на них? – уточнил бородатый и чуть улыбнулся.

– Ну да, – заулыбался в ответ Стас. – Не на все, конечно. Есть и советские монеты – очень крутые. Тут надо по каталогу смотреть, в Инете их полно: какие ценные, какие нет.

– Ага, ага! – закивал сидящий рядом с ним. Бородатое лицо чуть отвернулось от Стаса, склонилось к земле, и мужчина, протянув правую руку к посоху, стал гладить его по сучковатой коже. Они снова помолчали.

– А Сенька-то у меня – парень и впрямь не промах... – наконец вздохнул Борькай; голос у него чуть изменился, стал тише, с какими-то хрипами и сипом. – Знает, ведь как правильно спорить. Ничего не попишешь... Что же, Стасик, идти мне надо. И тебе тоже нечего здесь задерживаться. Отпускаю я тебя. Можешь возвращаться.

Стас послушно приподнялся с лавки.

– Иди, иди, Стасик. Поговорили мы с тобой – как воды напился. Только калитку на крючок запереть не забудь, а то ходят тут... Скотина всякая может забрести, а нечего ей на кладбище-то делать, сам знаешь.

Студент закивал и поспешил обратно. Всё-таки неуютно было здесь, да и, честно говоря, не любил он бывать на кладбищах.

Глава 4

Такие ловушки старый машинист умел обходить на раз-два. Но тут засмотрелся на показавшуюся вдалеке крышу бывшей помаевской церкви, ёкнуло его сердце от радости, колеса старой девятки повело по влажной колее, и сел он в аккурат на брюхо. «Приехали, мать твою растудыт!».

В общем-то, он и не рассчитывал на автомобиле добраться до самой избы. Не на «УАЗике» всё-таки сегодня, рисковать нечего. Кто бы его потом из таких дебрей выколупливал? Но чтобы вот так вот глупо сесть посреди бела дня на нормальной еще полевой дорожке – это уж совсем. Старость не радость, как говорится.

Он попробовал вытащить машину с налету, но не тут-то было. Понял, что придется провозиться почти час, и решил это дело оставить на завтрашнее.

– С новыми силами утром приду – и выковыряю родную. А сейчас домой хочу. Избу увидеть свою! – Федорыч поймал себя на том, что произносит эти мысли вслух и пожал плечами: никого здесь нет на добрые пятнадцать километров по диаметру. Тут не то что с собой вслух поговорить, тут можно хоть нагишом шастать день-деньской – всё одно.

Хотя на самом деле он так не думал: всякий раз возвращаясь в село, где он родился и вырос, Федорыч ощущал присутствие чего-то живого и родного. Да, люди здесь уже не жили, коровы не мычали, тракторы не тарахтели, собаки не лаяли. Но Помаево никуда не делось, оно еще было здесь, дышало. И наблюдало – следило, чтобы, как любил говорить его отец-бухгалтер, дёбет с кредитом сходились. Не допустит село безобразия, точно не допустит.

Может быть, именно из-за этого ощущения он и любил сюда приезжать. Ну не ради же охоты он катается в заброшенное село. Нет и еще раз нет! Здесь качали зыбку руки матери, когда он был бесштаным младенцем. По этим зарослям – бывшим улицам – ходили его друзья. Здесь он знает каждую пядь земли: в каком роднике вода вкуснее, где растет лесная клубника, в какой квартал леса лучше идти за маслятами, а куда – за белыми грибами.

Он до сих пор с закрытыми глазами мог указать, где чей дом стоял: тут жили Петровы, а тут Абаевы... Он помнил, как дойти до заросшей землянки, где, по уверениям старожилов, прятался сам Стенька Разин и там же где-то схоронил награбленное. Тут, на кладбище, у него лежат две бабки, дед, отец с матерью и сестра. Тут его душа и сердце...

– А вы, чёрт, развалили всё, разворовали, растащили! Дорогу асфальтовую они не успели проложить, село, мол, бесперспективное! Сволочи! – слова утонули в полевом ветре, погасились о деревья ближайшей рощи, ушли в леса кувайской тайги. Николай посидел еще немного, подышал родным воздухом, а потом принялся вытаскивать из багажника скарб. Через час он уже скрипел половицами своей избёнки.

***

Первое, что он заметил, – икону. Кто-то снял ее с божницы и положил на подоконник. Это было бабкино благословенье: с нею она провожала к зятю свою дочку, его мать. Бабка сама украшала икону фольгой и искусственными цветами. Она же выучила Николая «Отче наш» и «Богородице»: «Ты, грит, сынок, – бабка его часто сынком звала, – ты, сынок, молись и на Бога смотри. А Бог-то он тут, с нами», – и на икону глазами показывала...

– Кто ж тебя так? – забормотал Федорыч, будто нашел за старой поленицей котёнка с перебитой лапой. – Зачем сняли-то и на окно тебя сунули? Ладно хоть не унесли, ладно хоть так...

После он заметил рядом с табуреткой чей-то рюкзак, а чуть позже за голландкой в углу нашел припрятанное гудло.

Он присел на старый диван, поводит носом, будто старая гончая, и глаза его невольно скользнули вниз – к чехлу со старым охотничьим ружьем. Не нравился ему такой расклад; что-то носилось в воздухе – тревожное, неопределенное, то, чего раньше в Помаево он не чувствовал.

– Мародёры, мать их... – решил наконец машинист и вздрогнул от собственного сиплого голоса; во рту стало сухо, язык едва шевелился. – Ну я им покажу, как село чужое грабить! Дай только добраться до вас...

С этими словами он привстал и наклонился к рюкзаку, к которому был прикреплен коричневый потертый чехол. Федорыч начал судорожно отстегивать его, затем полез за крупной дробью, руки его дрожали, ему казалось, что вот-вот кто-то войдет и... И тогда он ответит им наконец – им всем. Тем, кто раздербанил, растащил его село-жизнь по кусочкам, тем, кто позволил умереть его Помаеву, тем, кто в душе, по жизни, ежедневно и ежесекундно мародёрствует, тем, кто... Он остановился лишь тогда, когда наставил дуло на полуоткрытую дверь, и так продержал ружье, наверное, с минуту. А после поймал себя на этом, зажмурил глаза – так, что задрожали веки, и медленно опустил на диван.

В избе давно не было часов – тех самых, светло-желтых, старинных, со звоном. Но тут он отчетливо услышал их мерное тиканье. Этот звук Николай помнил с раннего детства. Он любил по утрам, – когда солнце еще только раздумывало, подняться ли над горизонтом или наконец бросить всю эту опостылевшую круговерть, – прислушиваться к звукам дома и Помаева. Сначала кукареканье соседского петуха; потом скрип калитки – мать пошла на утреннюю дойку; громыханье цепи Тобика – на редкость глупой собаки, которую Колька обожал; а потом – все звуки пропадают, уходят, и остается только мерное тиканье. Тик-тик-тик-тик...

Иногда мальчик сам себе ставил такую задачку: не разжмуривать веки до тех пор, пока ветхий механизм часов не достигнет заветной точки, стрелки не совпадут, и из светло-желтой утробы не польется звон. Но так ни разу и не смог дожидаться заветного момента. Секунды текли и утекали; Коля считал их и считал, принимался ворочаться под одеялом, сжимать и разжимать кулаки, терпел целую вечность. Но часы всё не били, и он сдавался. Раскрывал глаза, вскакивал с кровати – и всегда оказывалось, что нужно было подождать всего каких-то пятидесяти минут. Но он не мог. Что-то в мерном тиканье часов было такое, чего решительно нельзя было перенести, особенно – если слишком сильно прислушиваться...

«Коля! Ко-оля!» – машинист часто заморгал, оглянулся и посмотрел в окно. Солнце уже теряло силу. Еще часа три, и тени станут совсем длинными. Надо разведать хотя бы в ближних заповедных местах – там, где Федорычу всегда везло на птицу и другую мелочь. Но сначала, конечно, стоит поискать хозяев рюкзака.

***

Парень, почти мальчишка, лежал навзничь на небольшом холмике слева от кладбищенских ворот. Еще издалека Николай понял, что тот жив: незнакомец иногда похлопывал себя по левому бедру, словно проверяя, не исчезло ли оно вдруг.

Федорыч сначала предположил, что мальчишка пьян, но, присев рядом с ним, запаха не учуял.

– Эй, пацан! Ты чего тут? – машинист решил спрашивать поглубже – почти басом, чтобы мародёр заранее знал, что с ним шутки плохи. Однако его артистизм воздействия не произвел: парень даже глаз не открыл, а только продолжал, шевеля пальцами, то и дела касаться своего бедра. Вытянув шею, Федорыч посмотрел на завернутую штанину лежавшего. Затем привстал и обошел его с другой стороны. Машинисту понадобилось с минуту, чтобы раскусить, в чем заковыка.

– И давно она тебя, дурака, укусила? – бурчал он, уже оценивая примерный вес найдёныша. – Ты хоть и худой, но мне, старику, тебя так просто не поднять. По траве волочить – тоже малоприятная процедура... Эй, как тебя там? Ногами-то перебирать могёшь или как?

Стас понимал, что его куда-то ведут, но на этом его осознание себя и заканчивалось. Иногда он замечал идущего в двух шагах от него смуглого подростка, который кривил рот, когда видел туманный взгляд Стаса.

– Иди давай! – говорил наглец и, зевая, отворачивался от него. – Вон Колька тащит тебя, надрывается, а ты ноги свои не можешь нормально поднять и переставить. Я с тобой замаялся, чес-сна слово. Вот угораздило-то...

Стас хотел ему ответить чем-нибудь пообиднее, но на ум приходила всякая ерунда. Они шли по вечерней улице, освещенной окнами домов. Любопытные лица мелькали за занавесками. Где-то в отдалении забренькали на балалайке, и в ответ засмеялись звонкие девичьи голоса.

Потом Стас и его спутник (кто-то ведь вёл его за руку, пока смуглый кривился от раздражения) мучительно долго пробирались сквозь стадо бредущих коров. Скотины было так много, что хотелось прижаться к забору, чтобы дать пройти этому мычащему, теплomu, пахнувшему молоком, травой и навозом потоку пятнистых тел. Стадо замыкал отчаянно косоглазый пастух с грязной веревкой вместо кнута.

Стас решил с ним поздороваться, но затем передумал и просто кивнул. Кто-то повел его дальше. А затем он спал. Долго, очень долго спал.

Глава 5

– У царя Ивана Грозного был проводник-мордвин – ну, как гид по здешним местам, звали его Отя. Откликался и на имя Покша. Да. Давненько, в стародавние времена, ага. Волос у мордвина черный, сам приземистый, голова большая. Знал здесь, ведал каждую кочку, каждое болотце. Вот однажды идет этот Отя с царским воеводой по кувайской тайге... Симбирском тогда еще и не пахло, в проекте не было еще твоего Симбирска, понял?

Стас кивал, блаженно щурился, смотря на угольки костра. Федорыч ему нравился; он с ним даже змей не боялся. Почти.

Еще вчера вечером он подышал на кровати в полуразваленной помаевской избе, а сегодня, поди ж ты, вот уже сидит, как огурец, греет кости у костра. Он отлеживался весь сегодняшний световой день, пока старый машинист ходил по своим охотничьим делам.

– Ты не бойсь: всё с тобой нормально будет. Опухоль уж спала, температуры нет. Полежишь, покумекаешь, к вечеру будешь в норме, – успокаивал его новый знакомец.

Федорыч, кстати, сумел дозвониться до запропастившегося куда-то Толяна: старый машинист давно испробовал различные симки и точно знал, какой сотовый оператор работает в здешней глухомани.

– В Усть-Урене уже твой друган, волнуется-переживает, спрашивает, как ты, мол, здесь. Будешь с ним общаться? – Николай протянул студенту свою кнопочную «Нокиа», но Стас скривился, совсем как смуглый Сенька, и покачал головой.

– Ну как знаешь. В общем, ты тут лежи-полёживай. Еда-вода есть, я к вечеру обернусь. А завтра мы с тобой домой покатым. Подсобишь мне вот только машину вытолкать – и фьюить!.. Прощай, дорогое Помаево. Понял?

Костер они устроили недалеко от избы. Федорыч общипал уже подбитых им лесных куликов и теперь готовил дичь по-походному. Истории про свое село он начал рассказывать сам – без просьбы Стаса. Юный нумизмат вообще старался больше молчать, но не потому, что чувствовал себя плохо: нет, физически он оклемался. Однако что-то внутри него происходило странное, будто он пытался нечто припомнить, но всё как-то не мог.

– И вот идут они, Отя с воеводой, по этим самым местам. А раньше тут – ого-го, не сравнить с нынешним: и выхухоль, и бурый медведь. А речка Помаевка, знаешь, какая чистая была! – продолжает Федорыч с увлечением – так, будто пересказывает очередную историю Петьке, своему помощнику, на каком-нибудь долгом светофоре. – И вот веришь, нет: заблудились. А воеводе к спеху, с ним войско. Темень скоро, мошки, болота. Волки кругом. «Ты, говорит, Отя, не балуй. Всё здесь знаешь, а вывести нас не можешь? Повешу на первом суку!». А Покша сам не ведает, как так получилось: будто водит кто его. Ведь все приметы знает: вон сосёнка ободранная, вот болотце, а всё не может верного пути отыскать. А воевода ярится, грозит: до темени, дескать, не выведешь на нужную просеку – поминай как звали!

И стал тогда Покша молиться своим богам. Мордва-то она в православие позже ударилась, в курсе, да? Подошел Отя к березе, стал ей кланяться, шептать по-своему. А оттуда якобы голос ему: «Быть тут селу! Да не одному. И каждое село – для сына твоего, Покша. Первый сын – Аркай, второй – Паркай, а третий будет любимый – назови его Помаем». И всё. Через час Отя вывел воеводу, куда надо...

Сверчки оглушали; звёзды – выпуклые, весомые, блестящие – гнездились в небе, словно огромные светляки. До одури пахло жареным мясом; шумели деревья в заброшенных садах, хотя ветра почти не ощущалось. Стасу было очень хорошо. Иногда только вспоминал он о здешних хозяйках – змеях и ёжился под теплым пледом, которым с ним поделился старый охотник.

– Вот с сыновей-то Отиных и затеялись наши сёла. Тут, кстати, в Помаево-то, у каждой улицы свое название было – не как по индексу, по почте, значит, а свое, местное. Вон туда, – Николай машет куда-то в сторону, – Верепё была. С мордовского – Верхняя, значит. Дальше – Алопé, потом Крестовка, Томбáль и Од-улица. А изб сколько стояло – курочке покакать негде было! Шестьсот дворов! Верить, нет? Я завтра с утра тебе всё покажу, кто где жил...

– Дядь Коль, – перебивает его Стас, – а Борькай – это кто?

– Борькай? – плечи Федорыча вдруг слегка передёргивает, будто от озноба. – Ты и про него знаешь? Борькай – это разговор особый... Сильный знахарь был. Ездили к нему со всей округи. Лечил любую болезнь – и глаза, и крик, и собачью старость, и боль зубную, головную, всякую. Рассказывали, что силу свою он обрёл так... Не с рождения же у него это объявилось. Был тут еще один известный... Ну не знахарь он, а предсказатель. Провидец, ворожец. Звали его Ерошкиным, но жил он не тут, а в Кувае – тут недалёко. Не слышал?

Стас покачал головой и подумал о Толяне. Он не хотел думать о нем, но тут вдруг вспомнил. А если бы не Федорыч? Что было бы с ним? Почему напарник его не вернулся, а ушел, кинул его тут? Но обида, которая всколыхнулась на секунду в его сердце, тут же начала оседать куда-то вниз, пока не пропала совсем. Его внутреннее состояние сейчас было таким, что не до обид, не до... нумизматики, одним словом.

– Вот по молодости дядя Борькай и этот самый Ерошкин угодили в тюрьму. Ну там какое-то мелкое, наверное, было, несущественное, раз их отпустили-то скоро. А с ними в одной камере сидел старичок, больной совсем, на вид слабый. Умирал он. И ребятишки стали за ним ухаживать: то водички, то хлебушка. Добро ему, значит, делали. И старик этот, как умирать, подозвал их к себе и говорит: «За добро добром отвечу. Я, ребяташки, силу в себе храню непомерную. Поделюсь с вами, возьмите, не побрезгуйте». И поделил. Одному, вишь, дал предсказание: видел он всё, наперёд угадывал, а другому, Борькаю-то, – лечение. Болезни исцелять мог. Так-то.

Федорыч сунул Стасу жирное крылышко, сам тоже, обжигаясь, надкусил горячую, пупыршистую кожушку лесной птицы. Черное небо перечертила вспыхнувшая звезда. Затем еще одна.

– Примешь? Самогон это. Немного только, тебе много щас нельзя, – предложил старший. И они чокнулись кружками.

– Хочу сказать тебе, Стас, одну штуку, – снова заговорил машинист, после того, как они пригубили еще раз. – Потом, поутру-то, может, и не скажу. А меня это давить будет. Ведь вот когда вошел я в свою избу и увидел, что икону, бабушкино благословенье, кто-то на подоконник бросил, вниз ликом положил... И такое во мне разыграло, что аж страшно стало. Я словно всю мою обиду – вот за всё это, – Федорыч развел руки, будто хотел обнять темную тайгу, – снова почувал, ощутил. Взял я тогда свое ружьишко, наставил на дверь, и вот ей-богу – хорошо, что вы тогда не вернулись...

А ты, Стас, парень хороший оказался. Я ведь людей-то за версту чую. Не злой ты. Хотя Помаево-то тебя смотри как – удружило-то... – Федорыч гоготнул, указывая на левую ногу собеседника. Но затем старик погрузился.

– Вот, Стас, думаешь, что нельзя вернуть уж ничего? Я про село. Ведь вот всё хочу я избу свою восстановить: и крышу поправить, и колодец, может, налажу. И вот всё мечтаю: может, ненадолго это? Может, вернуться еще люди в Помаево, а я – вот, пожалуйста, здесь жду вас. Охранником, так сказать, работаю. А потом думаю... А нахера, Стас? Ну кому это надо?.. А иногда... Иногда даже страшно делается, веришь?

Николай хлопнул еще четверть кружки – уже в одиночку. Становилось холоднее. Юному нумизмату захотелось в избу, веки его слипались сами собой. Змеинный яд, видно, еще бегал по крови, норовил всё куда-то утащить – на ту, свою, змеиную сторону реальности.

– Почему страшно, спрашиваешь? Да потому, Стас, что не отпускает меня это место. Ведь я всё понимаю, анализирую, я ведь технарь – мне до сути добраться хочется, до того места, откуда начинается и крутится, до причины то есть. Вот ведь не только я тут родился и вырос. Куча народу. Да, конечно, приезжают сюда, на кладбище ходят – на праздники там, летом особенно, потому что добираться посуху удобнее. Но ведь избы-то своей здесь никто не сохранил, жить-то здесь никто не желает. А я не могу, Стас, меня вот ровно кто сюда приковал и отпускать не хочет. Люблю я эти места, люблю. Согласен. Но и боюсь. Помаева самого боюсь... Знаешь, как я здесь охочусь? О-о-о!.. Ведь я сто раз позволения спрошу, прежде чем... Э-э, я гляжу, Стасик, ты носом клюешь. Спать пора, спать пора. Завтра договорим, если что. Угу?

***

Но утро получилось суетливым: не до бесед. Они как-то второпях попили чаю, Федорыч помог пострадавшему от помаевских змей упаковать рюкзак и металлоискатель. Затем пошли в сторону церкви и выезда из бывшего села.

Прошлогодние колючки цеплялись за рюкзак, царапали джинсы, пытаюсь задержать идущих. Стас старался идти след в след за широкой спиной старого машиниста, который уверенно прокладывает путь, будто локомотив. В основном, они молчали. Лишь иногда проводник останавливался, кивал на какие-нибудь ничем не примечательные заросли и говорил: «Вот тут Покшаевы жили, а там – магазин стоял».

В одном только месте они задержались надолго – там, где бил Комариный родник. Федорыч снял с себя камуфляжную фуражку, наполнил ее ледяной водой и сделал несколько глотков.

– Попробуй. Такой воды нигде больше нет. Ты верь мне, я много родников за свою жизнь повидал-попробовал.

А потом – светло-зеленые бока старой девятки, на которых остались следы рук Стаса: машину они вызволили из колеи быстро, за десять минут. Дальше – грунтовка, асфальт, Никитино, Усть-Урень и – город.

– Телефон мой знаешь. Звони, если что, – Федорыч пожал студенту руку; расстались они недалеко от железнодорожного вокзала, так как машинист торопился: ему скоро на смену. – Я в Помаево в этом году, наверное, еще разок смоताюсь. А дальше уж осень-зима, туда не доберешься. Если захочешь со мной – дай только сигнал. Угу?

До дома Стас трясся на трамвае, потому что с гудлом в маршрутке не поместишься. За грязным трамвайным окном всё было по-прежнему: городская, дневная, муторная суета, первые признаки которой проявились еще там, в Помаево, накатила на него, ловко и четко расправилась со всеми его воспоминаниями о пережитом. Уже через час он привычно хлебал свой кофе, пялился в экран ноутбука и думал о сентябре, учебе и Толяне.

И только вечером, когда он забрался под одеяло, левая нога неожиданно заныла. Он вытянул руку и похлопал по бедру пальцами. Опухоль совсем спала; синеватый оттенок на месте укуса тоже постепенно проходил.

А ночью, когда он вроде бы заснул, его руки кто-то коснулся. Стас открыл глаза и увидел сидящего на краю кровати смуглого Сеньку.

– Ну, я тебе говорил, что всё с тобой нормуль будет? А ты нюни распускал!

Студент слабо улыбнулся и решил было присесть.

– Не-не, лежи, отдыхай, – смуглый зевнул и подпер кулаком свой подбородок. – У нас тут с Борькаем опять спор вышел. Он говорит, что ты вернешься, а я – что струсишь. В прошлый раз помнишь, кто победил?

Стас прикрыл глаза; смуглый его, конечно, раздражал, но нужных слов, чтобы правильно послать его, опять не нашлось.

Утром он про визит Сеньки забыл. На третий день они наконец встретились с Толяном, и юный нумизмат передал ему гудло. С тех пор, встречаясь в университете, они даже не здоровались.

Через две с половиной недели, в пятницу вечером, сотовый Стаса завибрировал, высветив номер старого машиниста. Студент смотрел на экран и не брал трубку. Потом почти час ходил из стороны в сторону, из зала на кухню. Разболелась левая нога, пульсация от нее начала отдавать в шею, и он прилег на диван.

– Мне там нечего делать, – говорил нумизмат вполголоса, не в силах думать про себя, – пусть он сам со своими гадюками якшается. Пошло всё нахер! Я не обязан, я не хочу! И не поеду...

Однако утром в субботу они с Николаем встретились возле железнодорожного вокзала. «УАЗик» Федорыча был забит под завязку стройматериалами.

– Крышу подправлю, – объяснял старый машинист, выруливая на главную дорогу. – Дело к осени, а там дыры. Зальет всё к чертям собачьим. Пособишь?

И Стас кивал в ответ. Ему было действительно хорошо. Физически он точно оклемался, но помаевский змеиный яд, он это чувствовал, никуда не делся. Остался в его крови и бегал теперь от пяток до темечка по бесконечному кругу.

До заброшенного села они добрались после полудня. Стас вылез из «УАЗика», который Федорыч лихо припарковал возле остатков забора родной избы.

– Я щас, мигом, мне тут дело одно сделать надо! – сказал студент и почти бегом побежал в сторону скопления берез.

– Под ноги смотри, нумизмат хренов! – кричал ему вдогонку машинист. – Я тебя назад на себе тащить не собираюсь...

На кладбище Стас вынул из кармана пару припасенных заранее конфет и положил их у основания креста. Затем посидел пару минут на скамейке с металлической спинкой.

– Только не думайте, – сказал он наконец, – что я вам тут скаковая лошадь: ишь ты, спорят они тут на меня, ставки делают. Как захочу, так и будет, понятно?! Я вам не охранник, пусть вон Федорыч вас охраняет!

***

На следующий год весной, как подсохло, Стас приехал в Помаево уже один. Добирался до Паркино на попутке, потом шел полями пешком. Федорыч умер в январе – от инсульта. Стас об этом узнал лишь через месяц от его сына.

Гость обошел все прежние места – и Белое озеро, и бывшую церковь (она еще стояла, но второй этаж совсем обвалился), и Николаевскую избу, и даже побывал на берегу реки – в том самом месте, где его укусила гадюка. Переночевал он в доме, в котором теперь было намного уютнее: крышу они тогда с Федорычем основательно залатали.

– И не думайте, – в очередной раз повторял Стас окружающим стенам, шумящим без ветра деревьям, сверчкам и пульсирующим звездам, – что я тут охранником заделаюсь. Я Федорыча помянуть приехал. Только и всего.

И Помаево не возражало. Тут даже и спорить-то нечего. Никто никого не принуждает: приехал – и хорошо. Не забыл про нас – и то ладно.

Стас устроился поудобнее на покосившейся кровати, натянул до самого подбородка теплую куртку и, сложив ладони лодочкой, закрыл глаза. Всё-таки хорошо, когда левая нога не ноет и не болит. Нигде ему не спалось лучше, чем здесь – в родном Помаево...

Андрей ЦУХЛОВ

Теремок

рассказ

Ну как можно сомневаться, когда тебе ласковым, преисполненным доверия женским голосом говорят с экрана, что растворимая химическая лапша – это вкусно и полезно. Хочется знать, что цена соответствует качеству, слова – их смыслу. Что если ты что-то съел или выпил, то не отравишься. Потом разочаровываешься, обманываешься, становишься циником, черствеешь. Честность, доверие – теперь это или признак странности, ненормальности или – такой пиар-ход, быть честным, дескать, выгодно, это репутация нашей компании, и от этого зависят наши доходы. «Честно – дешевле». А кабы не доходы, нахрен вы нам нужны и тем более вся эта «честность»... Что там Остап Бендер со своими четырьмястами способами относительно честного отъема денег у граждан? Мелкий шалун. Сейчас почти все воробьи стреляные – обманывать всё сложнее. Вот и мчится «гонка вооружений»: мошенник – хитрее, жертва его – всё осторожнее. Заборы, сигнализации, видеокамеры, подтверждения, поручительства, удостоверения, подписи... Где эти русские сказки – «Пустите переночевать!» – «Да заходи, вот угощенья, вот баня, вот постель» – «А сам кто таков будешь?» – «Да такой-сякой разэтакий, допустим, Иван-Дурак или Иван-Царевич». И никто паспорт не спрашивал, предварительного звонка по телефону не требовал, замки на дверь не вешал. «Я – лагушка-квакушка! Я – мышканорушка! Я – заяц-побегаец!». Всё, этого достаточно. Скрепили купцы сделку рукопожатием, перекрестились – всё, гарантия сто процентов.

Мы научены безжалостно удалять смски «Мама, я попал в аварию, срочно нужны деньги» и пролистывать объявления в Интернете «Помогите спасти больного ребенка». Американцы были на Луне? Черта с два. Картинка для дурачков. Возьмите кредит – купите пылесос! Идите вы со своим пылесосом! Любите Родину? – Какую именно? Уж не ту ли, где, товарищи богатеи, учатся ваши дети? Или ту, где вы отдыхаете? А может быть ту, где заофшорены ваши капиталы? Ах, как он стал большим начальником? Известно как: связи. Откуда у этой красавицы такая иномарочка? Гусары, молчать!... И далее по списку и далее по тексту. Только надпись: «Не влезай, убьет!» – вызывает уважительное доверие. И здесь, где все давно друг от друга отгородились заборами, всё равно происходят чудеса. Исключения из правил. Простота-таки феерические исключения. В общем, звали это исключение Аркадий.

Конечно, было у Аркадия пионерское детство, в котором ему рассказывали, что обманывать плохо. Что если ты нарисовал на парте что-то, то должен поднять руку, встать и перед всем классом сказать: «Это – я. Я поступил скверно. Я больше так не буду». Что если тебе родители дали денег на мороженое, то сдачу надо принести. Что, если ты увидел, что хулиганы пристают к девочкам, нужно сообщить педагогам, что хулиганы пристают к девочкам. Да хоть бы и к мальчикам. Можно, конечно, как вариант, попробовать побить этих нехороших мальчиков, но тогда можно незаметно самому стать хулиганом. А это нехорошо. Главное – быть честным и слушаться старших, верить в добро. Впрочем, уже тогда природная доверчивость Аркаши вошла в некое противоречие с клятвой пионера:

*«Пионер! Всегда будь смелым,
Не бросай на ветер слов.
И проверит слово делом
Будь готов!
– Всегда готов!»*

Через три года красные галстуки стало носить стыдно. Их снимали, комкали и совали в карман.

В подростковом возрасте обмана становилось все больше. Однажды он попросил полузнакомого мальчишку подвезти его на мопеде. Тот согласился, но сказал, что у него не хватает на бензин. Аркадий дал ему денег, тот заправил бак и попросил его пока слезть, после чего газанул и был таков. До обидного просто.

Чтобы прогулять уроки, многие одноклассники изображали плохое самочувствие. Аркадий так не мог.

Надвигалась юность девяностых с бандитами, уличными группировками, спиртом «Рояль», потерей сбережений и лохотронами государственного масштаба. Ваучеры родителей Аркадия благополучно сгорели в каком-то «Хопер-инвесте». Богател тот, кто был наглее, лживее, беспардоннее. Отец Аркадия потерял работу на оборонном заводе, который развалили дотла, устроился за копейки электриком в магазин. Мать тоже получала немного, будучи вахтером в драмтеатре. Аркадий, тогда уже студент политеха, попытался было торговать на рынке джинсами, кассетами, книгами. Но торговля не шла, потому что товар надо было разрекламировать, втюхать, а на это не хватало наглости. Кто был застенчив и порядочен, тот стал беден. Аркадий подался в сторожа: охранял местную школу. Охрана заключалась в том, чтобы закрыть входную дверь и, обойдя все коридоры, устроиться спать. К нему подкатили из местной шпаны и предложили: мы тебе даём денег, а ты ночью нам откроешь дверь. И мы тут маленько побухаем, может, девочек приведём. Аркадий не согласился, это же против закона. В ответ в одну из ночей злоумышленники проникли в класс, где обучали навыкам труда на станках. Подсадили мелкого в форточку, тот влез и открыл окно изнутри. Грабители вынесли точильный станок. Наутро учитель труда убитым голосом сказал: «Ну а что, сторожу-то всё равно, не он эти станки покупал. Пришел да спать». Аркадию было невыносимо стыдно. В помещении, где обучали труду, на окнах не было решеток, поэтому решили в милицию не заявлять, списали как изношенное оборудование. Уволился Аркадий с отвратительным чувством, будто он всех обманул.

***

Мишаня появился в его жизни уже в достаточно зрелом возрасте и как-то сразу, как-то помногу. Старые друзья Аркадия удивлялись: как ни зайдешь к нему – всегда он с Мишаней, толкуют, пиво пьют. Надо сказать, что Мишаня – именно так называл его Аркадий – на вид был располагающим к себе человеком: круглое веснучатое русское лицо, розовощекий, с брюшком, с широкой, нет, с широчайшей улыбкой. Чем он занимался и как зарабатывал, – об этом все имели смутное представление. А денежки у него, как видно, водились и переводиться не собирались – ездил он на серьезной импортной машине, о которой Аркадий, к тому времени инженер автоагрегатного завода, мог только мечтать. Нередко Мишаня угощал Аркадия в местном кафе «Теремок», где подавали вполне приличный шашлык. Попытки воспротивиться таким угощениям встретило искренне Мишанино удивление: мы же друзья, ладно тебе, забей.

– Да ты не дрейфь, всё будет чики-пуки! – приговаривал с улыбкой Мишаня, приобнимая друга за плечо. Ну как не поверить такому рубаха-парню?! А вы говорите, все люди стали злыми, так и норовят...

То, что произошло через два месяца тесного общения с Мишаней, можно было действительно назвать «чики-пуки». Для начала Мишаня закатил пару «пробных шаров» и спросил у Аркадия в долг. «Конечно, конечно, он столько раз меня угощал», – с этой мыслью очередные деньги исчезали в Мишаниных карманах. Попросить вернуть долг было неудобно. Во-первых, смотрите пункт про угощения, во-вторых, как только у Мишани появятся средства, он тут же вернет, он же сам это сказал, почему же ему не верить?

...Однажды они сидели на кухне у Аркадия и пили водку – обмывали полученные сегодня водительские права. Инженер наконец-то скопил некую достойную сумму для покупки своей

первой машины. А кто как не Мишаня был, как выяснилось, ценным консультантом и помощником в этом вопросе. Да что там – ценным! Незаменимым.

– Я как раз могу договориться с ребятами, они пригонят из Владивостока «Тойоту». Да за такие бабки, что просто кайф. Ты же не хочешь отечественное барахло? – монотонно убеждал Мишаня.

С каждой рюмкой эта идея казалась Аркадию все более привлекательной. «А что? Будет у меня настоящая «япошка»....

Долго ли, коротко ли, Аркадий достал значенные, трудно копимые 320 тысяч рублей – немалые деньги для провинциальной России 2010 года. Конечно, деньги были переданы стопкой разномастных купюр, конечно, наличкой, конечно, без всяких расписок и свидетелей (как можно, Мишаня бы обиделся, нельзя его оскорблять недоверием). Когда деньги исчезли в кармане у Мишани, тот как будто протрезвел, но голос его стал еще слаще, интонации убедительнее, улыбка необъятнее. Они обсудили объем двигателя, пробег, клиренс, доступность запчастей, цвет и многое-многое приятно-машинное.

– Через две недели тачка будет у тебя, – мурлыкал Мишаня, – будешь гонять, как туз, все девки твои. Подробности схемы доставки сообщить не могу, сам понимаешь.

– Вот спасибо, вот спасибо, что бы я без тебя делал... – заплетающимся языком говорил Аркадий.

На радостях откупорили дорогой коньяк. В ту ночь Аркадию снилась белая «Тойота», он с приятным звуком открыл дверь, сел за руль, ощутил приятное соприкосновение с рычагом автоматической коробки передач. Повернул ключ, загорелась панель приборов, двигатель заурчал. Хорошо... Только в машине почему-то не оказалось педали газа. Педаль тормоза была, а педали газа не было! Машина, естественно, не двигалась. Аркадий растерянно в зеркале заднего вида увидел довольное, круглое лицо Мишани. Потом в этом зеркале Аркадий увидел себя – в колпаке, какие надевают члены счастливой семьи в рекламах, когда у них случается праздник и они задувают свечи на торте или радостно едят какую-нибудь дрянь, которая по замыслу властителей зомбоящика, является средоточием вселенского блага.

Наутро голова Аркадия раскалывалась, его подташнивало. Как ушел Мишаня, он не помнил. Подспудная тревога за отданные деньги сменялась радостью: через две недели у меня будет крутая тачка! Впрочем, насладиться этой мыслью как следует мешала жуткая головная боль. На работу Аркадий не пошел, позвонил, сказал, что плохо себя чувствует. Хорошо, что начальник понимающий.

В 11 утра Мишаня пришел с пивом. Как добрый Доктор Айболит, как очередная доза обезболивающего.

– Ну всё, вариант найден, ребята работают. В конце следующей недели, сказали, пригонят. Зарегистрируешь, и гоняй. Все девки... Не дрейфь, Аркаша, всё будет чики-пуки!

Уныние сменилось радостью. Они снова пили пиво, рассматривали в Интернете фото выбранной модели. Мишаня – настоящий друг!

Следующие полторы недели Мишаня «работал» по заказу. Он с Аркадием почти каждый день созванивался, друг заходил, говорил, что тачка уже – смотрим карту – в Хабаровске, Новосибирске, Екатеринбурге, а сегодня «приближается» к Челябинску.

После «Челябинска» Мишаня пропал на три дня. Аркадий хотел, чтобы неделя до приезда машины промчалась быстро, но решил не форсировать события, потерпеть, не тревожить своего благодетеля. Наконец-то Мишаня объявился, и снова с пивом.

– Ну чего там с машиной? – спросил с порога Аркадий. Он явно ожидал добрых вестей.

– Да всё нормально, Аркаша, – Мишанина улыбка вновь излучала спокойствие и уверенность. – Просто под Уфой там небольшие проблемы возникли, гаишники тормознули, поставили на стоянку. Короче, надо эту проблемку решить, а то и машинка задержится, и ребят подставим.

– И что делать?

– Ну что, нужна еще десятка, чтоб все уладить.

– Но у меня денег почти не осталось...

– Ну займи у кого-нибудь, в чем проблема, – Мишаня похлопал друга по плечу. – Да ты не дрейфь, всё на мази. Будет твоя тачанка через неделю у подъезда стоять. Только баб-лишко желательно срочно забашлять, сам понимаешь, а то чем дольше она на стоянке стоит, тем дороже это будет.

И конечно, снова пили пиво, а потом еще водочки. Смотрели фильм, где супергерой раскидывал злодеев, валил их в рукопашной, простреливал им бошки, – а всё потому, что эта бандитская группировка взяла в заложники девушку супергероя. Не было сомнений в том, что в конце он их всех победит, потому что в сказках всегда добро побеждает зло, возлюбленную освободит, они поцелуются, измазюканные в грязи и крови, самый упоротый главарь сдохнет последним. Хэппи энд обязательно настанет. Всё наладится, всё образуется, справедливость восторжествует. Счастливая семья будет прыгать по стриженной лужайке, играть в какой-нибудь бейсбол. Смышленные детки будут заниматься авиамоделированием, прыгать со скакалкой. Блондинистая белозубая никогда не толстеющая и не стареющая жена будет улыбаться и кричать: «К столу, любимые!». И все наденут колпачки, потому что праздник, бесконечный праздник. Они не болеют никогда, у папы всегда полно денег, во дворе стоит дорогушая машина – машина, Аркадий! – и солнышко освещает всю эту идиллию.

Теперь Мишаня исчез на неделю и его телефон объяснял женским английским голосом, что абонент находится все зоны действия сети. А появившись, Мишаня сказал, что надо было срочно уехать по делам в Ростов, не уточнив, в какой: Великий или просто. Не одной же только машиной Аркадия заниматься, есть и другие дела, в конце концов! Но ребята сказали, что проблема решена и машина скоро прибудет. Через дня два-три. Ну максимум – пять. Ну совсем крайняк – неделя.

– Да ты чё, не веришь? – искренне обиделся Мишаня, наливая пиво.

– Да верю, только скорей бы уж...

– Да ты не дрейфь, все будет чики-пуки! Только ты это, не одолжишь, мне тут за Интернет надо заплатить?

Аркадий молча достал занятые у знакомых деньги. Отказать означало обидеть Мишаню, так много для Аркадия делающего, а это могло притормозить прибытие машины. Прекрасной белой «Тойоты». С объемом двигателя 2.4, коробка автомат...

Теперь Мишаня пропал на целый месяц. Надо сказать, что и у Аркадия появились дела, отвлекшие от машины. От завода его послали в командировку в Крым на три недели, надо было отладить производство одного изделия. Мишаня то не брал трубку, то телефон его был отключен. «Неужели он так мог поступить со мной? Не может этого быть! А может, с Мишаней что-то случилось, а я про него так думаю?».

Звонок от Мишани раздался неожиданно.

– Здравова, товарищ пролетарий! Как жизнь молодая?

– Привет, Миша! Ты куда пропал?

– Да куда я не пропал. Надо было тут просто кое-какие проблемы порешать. Это у тебя всё понятно: пришел на завод, отрубил и домой, в командировку съездил и – домой, всё ясно, всё просто. А мне, Аркаша, крутиться надо, сам понимаешь, как у нас бизнес вести, с теми договорись, тому лаве сунь, там подъездь разрули. Думаешь, что легко так? Мне никто зарплату не принесёт, аванс не перечислит, премию не выпишет. Ну ничего, я же не мякну, не ною. Я туда-сюда...

– Мишань, а что с машиной?

– Как что с машиной? Все нормально с машиной. Завтра прибывает к нам в город. Ты чего, волнуешься, что ли? Ну ты даёшь! Машина да машина! Завтра я тебе с утра позвоню, и заберешь свою машину.

– Серьезно?

– Ты чё, мне не веришь?

– Верю, конечно, но просто... Как-то это все долго получается...

– Быстро только кошки рожают. Всё, завтра тачка будет у тебя. Точка. Готовь коньяк попонтовой. Или лучше текилу. Всё, давай.

Аркадий посмотрел на телефон, и бывшая радостная уверенность снова вернулась к нему. Непонятно, что её вернуло: то ли бархатистый Мишанин голос, то ли его выражение про быстроту кошек (и правда, серьезные дела не делаются бегом), то ли некая игра звуков в словах «тачка-точка».

До обеда Мишаня не позвонил. А когда Аркадий набрал его сам, Мишаня оказался недоступен. Вечером Аркадий пошёл к Мишане домой. Дверной звонок протрезвонил раз десять. Казалось, за дверью слышались шаги, кто-то смотрел в дверной глазок, но никто не открыл. Аркадий вернулся домой и рухнул на диван.

Он начинал что-то подозревать.

Тяжелые мысли прервал голос Мишани из телефонной трубки:

– Здорова, Аркаша, тут, короче, такое дело, мне на неделю надо свалить из города по делам, приеду – вопрос с тачилой закрою твоей. Всё, давай, мне некогда.

– Мишань, через неделю не получится, я опять в командировку, на десять дней.

– А ты когда в свою командировку?

– Вот как раз через неделю.

– Слушай, Аркаш, будь другом, дай пока у тебя на это время в твоей хате пожить? Ну как пожить, чтобы там иногда зависать?

Через неделю Аркадий был в командировке, а Мишаня устраивал в его однокомнатной квартире пьянки и приводил туда жриц любви. Они творили там бардак, бордель, курили, сломали кран в ванной, разбили три рюмки и две тарелки, облили чем-то обои. Из вещей пропала бронзовая статуэтка, подаренная Аркадию на 30-летие завода, старинная, доставшаяся от бабушки икона и энциклопедический словарь. К приезду Аркадия Мишаня немного прибрался, но следы разгула всё равно остались видны. Мишаня сделал себе копию ключа от квартиры Аркадия, и они договорились, что когда тот в командировках – а они случались часто – «хата» будет в Мишанином распоряжении.

Тем временем, вопрос с машиной тянулся уже четвертый месяц. Мишаня то не брал трубку, то говорил, что заболел, то Аркадий сам уезжал в командировку. Всё это не мешало Мишане приходить в гости к Аркадию, пить пиво и на вопрос: «Что с машиной?» – отвечать, что с машиной всё нормально, она на стоянке, ты меня уже достал, завтра заберешь, не веришь, что ли? Да не дрейфь, всё будет чики-пуки, вот и старайся для тебя, на вот ключи от машины, на! И действительно: Мишаня отдал ключи, очень похожие на ключи от той самой «Тойоты», объем двигателя 2.4, коробка автомат... Ну вот, осталось мелочь – открыть заветную белую дверь, как в песне Пугачёвой, сесть за руль, завести двигатель. Только утром всё предсказуемо повторилось – Мишаня исчез из зоны досягаемости.

***

Бывает, расстраиваешься из-за какой-нибудь неприятности, нервы тратишь, переживаешь, и тут – опа! Приходит хреновина такая, что обо всем предыдущем забываешь. Так что всё познаётся в сравнении. Снявши голову, по волосам не плачут.

В общем, не Мишаней единым стал с некоторых пор существовать Аркадий. Нет, ну Мишаней, конечно, тоже, но история с машиной приобрела привычный, вялотекущий харак-

тер. Решил Аркадий – а твёрдо решал он что-либо не часто – приударить за бухгалтершей Машей, тоже с завода. Миловидная, большеглазая, остроносенькая, всё при ней, причёсочка такая каре, только вот молчит и молчит. Царевна Несмеяна. Аркадий слабо рассчитывал на взаимность, но чём черт не шутит. Оказалось, что шутит, и ещё как.

Три раза он сводил её в кафе, два – в кино, один – в театр. Неоднократно провожал её до подъезда, и поцелуи становились всё менее дружескими. Прошел месяц. Наконец, Аркадий пригласил её к себе домой (пришлось хорошенько прибраться после Мишаниных оргий), купить дорогого шампанского, зажечь свечи. В общем, всё произошло как положено. И началась другая жизнь: на работу Аркадий шёл окрылённый, там по несколько раз виделся с Машей, ища повод заглянуть в бухгалтерию, а после работы – романтический вечер, перерастающий в романтическую ночь. Он был счастлив, и по сравнению с этим счастьем вечно ускользающий с обещанной машиной Мишаня был неприятной мелочью, словно муха, упавшая в суп. И если эту муху вовремя выудить, то можно сделать вид, что муха и не падала туда вовсе.

А что же Маша? А вот что. Чувств особых к Аркадию она не питала. Хорошенько всё обдумав, она решила брать быка за рога, хотя бык из Аркадия был неважнецкий, а скорее телок. Проведя с ним пару «романтических ночей», она поставила вопрос ребром: поматросил – женись. «Так быстро?!» – обескуражено думал взятый за рога, которые, кстати, Маша уже успела ему наставить. «А ведь и правда, я с ней... Ведь после этого не жениться было бы нечестно». Впрочем, колебания Аркадия были недолгими. Вскоре Машин брат, бандит местного пошиба, недвусмысленно предъявил ему ультиматум: или женишься, или мы тебя покалечим. Вот такая романтика и любовь с первого взгляда. А вы говорите: машина-машина.

И началось. Родители Аркадия дали последние деньги на свадебный банкет. Невесте купили дорогущее платье, в котором она смотрелась, как в белом мешке. Старые друзья Аркадия, с которыми он почти перестал общаться (Мишаня потеснил), неожиданно получили приглашения на торжество – открыточки с розочками и двумя колечками – одно побольше, другое поменьше. Бывший десантник Вован заметил, что они напоминают две чеки от гранат. Дескать, вот они соединились, и сейчас рванёт. Последовали заявления в ЗАГС, заказы банкетного зала, машин, тамады. А еще – постоянные посиделки у новых будущих родственников, родителей невесты, брата-бандита.

***

На мальчишник друзья собрались, как в старые добрые времена. Квартирка Аркадия казалась такой уютной. Будущие гости со стороны жениха травили анекдоты, выпивали коньячок, провожали свободу и Аркашино холостячество. Самым громким и говорливым гостем, конечно, был Мишаня.

– Не дрейфь, Аркаша, всё будет чики-пуки! Вот машину твою заберём со стоянки, будет тебе как раз к свадьбе!

– За будущую семью!

– За прогресс!

– А то все друзья женаты, один ты остался не отформатированный, через ЗАГС не пропущенный!

– Прощай воля-вольная, сам себе хомут организовал. Ха-ха!

– Тут как себя поставишь – расслабился и всё, тебя на поводке водят, ошейник душит, почуеть красивую сучку – а тебя сзади ка-а-ак дёрнут: «Домой!», а там – «Голос!», «Служить!», «Сидеть!», «Лежать!», «Жрать!», «Бежать!», «А пить?», «Пить – фу!». «А погулять, а то приспичило, у-у-у!» – «Терпи, ты же меня любишь? Сейчас накрашусь, прическу сделаю – и пойдём. И вообще, почему ошейник нечищенный, как на нас люди посмотрят?», «Люди, гав-гав, тьяв-тяв, у-у-у!».

– Ну что вы меня страшаете? Всё будет нормально, – слабо улыбался Аркадий, живо представив себя домашней собакой. То болонкой, то спаниелем, то гончей. И тут он так захотел

быть дворнягой, пусть бездомной, голодной, с колтунами в грязной черной шерсти. Но свободным существом, без ошейника, без команд, куда захотел, туда побежал, где вздумал, там и заночевал... Только зимой можно окоченеть, от голода сдохнуть, под машину попасть. Под машину. Под белую «Тойоту», объем двигателя 2.4, автоматическая коробка передач...

– А жить где будете? – прозвучал среди веселья вопрос.

– Пока не знаю, – ответил Аркадий, – скорее всего, в этой квартире.

На этих словах привычная Мишанина улыбка исчезла. «Хата» для развлечений уплывала.

Потом компания переместилась в баню. В пару и похлестывании веничков будущее Аркадия было смутным. Дело дошло и до вызова представительниц древнейшей профессии.

– Давай, Аркаша, оторвись напоследок! – призывал округлый и красный Мишаня.

– Да чё-то неохота, – отнекивался Аркадий, а сам думал: «Ну нельзя так. Это же нечестно. Там Маша к свадьбе готовится, а я – тут». Он сидел, обернутый в полотенце, словно какой-нибудь древний грек или египтянин, прихлебывал пиво среди звучных выкриков, девичьего визга. Он хотел, чтобы этот мальчишник побыстрее закончился.

– В субботу все подходим ко мне домой к 10 утра. От меня поедем выкупать невесту! – объявил он.

Троекратное «Ура!» сотрясло баню.

***

На свадьбе Аркадий выглядел с иголочки, в сером, с отливом, костюме, в дорогом галстуке. Он был напряжён и желал, чтобы всё прошло «без косяков». А если ещё откровеннее, он хотел, чтобы Маша этим днем осталась довольна. А если совсем-совсем быть перед собой честным, то главным чувством к невесте и будущей жене был страх. Он боялся, что она станет раздражительной, надует губки, пожалуется брату, маме-папе. Они и так неоднократно пресовали его на тему «каким должен быть муж у нашей Машеньки». Собирали по этой проблематике «круглые столы», проводили лекции, конференции и брифинги. Если подытожить эти информационно-пропагандистские мероприятия, то лейтмотив был таким: надо отдавать ей всего себя без остатка. Это Аркадия томило, но он предпочитал просто не думать и верил, что всё будет хорошо. Он же работяга, не алкаш, если что – всё в дом, всё в семью.

Свадьба получилась весёлой для всех, кроме жениха и невесты. Маша была тоже напряжена и до самой росписи боялась, что рыбка сорвется с крючка. Но рыбка заглатывала наживку все глубже, и освободиться стоило бы вырванных кишок и большой крови. Разумеется, свидетелем со стороны жениха был Мишаня, он непрестанно шутил, хохмил, ухлестывал за подружками невесты, за что чуть не получил в глаз. Друзья Аркадия видели невесту впервые. За всю свадьбу она сказала гостям только фразу: «Спасибо родителям, гостям и родственникам, что пришли поздравить нас!». По регламенту, сначала говорили родители, потом другая родня, потом – друзья-подруги. Машина подруга прочитала в адрес молодых отвратительные стихи собственного сочинения: любовь-будет-вести-вас-сквозь-звезды-рука-об-руку-пока-смерть-не-разлучит-вас-но-прекрасная-любовь-вечна-ты-будешь-ему-готовить-он-будет-тебя-защищать-от-невзгод-смотрите-друг-другу-в-бездонные-глаза-вы-пронесете-пламя-свечи-сквозь-года-и-ваши-сердца-в-дыханье-ветра-будут-биться-в-такт-обручальное-кольцо-это-вам-не-просто-так-украшенья-это-символ-верности-запомните-этот-день. И вообще, муж – голова, жена – шея.

На фоне лозунга из надувных шаров «Совет да любовь» после напутствия родителей начался сбор подарков и денег под поздравительные речи.

– Аркадий и Мария, поздравляю вас с законным браком, вот если он был бы незаконный, я бы вас не поздравлял, – тостировал Мишаня. – Говорят, что хорошее дело браком не назовут,

ну и пусть говорят. Не забывайте друзей, если придем в гости, – угощайте, а то надоедите друг другу. Живите, размножайтесь, и всё будет у вас чики-пуки!

На лице невесты появилась гримаса недовольства, и долго не исчезала. Слово взял её брат:

– Ну вы это... Типа седня главный день в вашей жизни. Кароче, поздравляем... Если чё не так, я всё порешаю. Ну мы это – дарим телевизор. И это, как его... Горь-ка!

Сторона невесты очень беспокоилась, что свадьба не принесет дохода. Поэтому, когда мальчик озвучил сумму вырученных средств, аплодисменты прозвучали вполне искренне.

Всё разнузданнее были танцы, все пошлее конкурсы, всё пьянее, озверённое вздымался крик: «Горько!». Машин брат спьяну «наехал» на тамаду, молодого парня, и сказал, что за такую работу «ты хрен чего получишь». Невеста пару раз пропадала, на что-то обидевшись. Потом она устроила скандал Аркадию: «Почему твои друзья себя так плохо ведут и почему не все они с жёнами?» и «Почему такие неинтересные конкурсы?». А конкурсы для пьяной невзыскательной компании были самое оно: парни наряжались в ползунки и чепчики, пары танцевали, зажав между собой надувные шары, и даже была разыграна сказка «Теремок», и собственно Михаилом Потапычем был Мишаня. В конце истории жители теремка доверились ему, пустили внутрь, Мишаня навалился на обитателей жилища. Давка, куча мала! Смешно.

Закончилось всё традиционным тортом, кусок которого продали на «аукционе», броском букета невесты через голову (никто не поймал) и прощальным танцем молодых. Увенчал вечер Мишаня, который обходил столы и, пошатываясь, собирал алкоголь к себе в пакет.

Первая брачная ночь не получилась радостной. Маленькие амурчики с луками и стрелами валялись вокруг брачного ложа, как дохлые голуби. Маша устроила Аркадию «разбор полётов»: то ей его друзья были неправильными, то ей машины приехали не вовремя, то ей платье не понравилось, то некоторые родственники были слишком пьяными и неуправляемыми, то горячее подали слишком рано. А еще его мама на Машу нехорошо смотрела, музыка была несовременная, а Мишаня вообще кошмарный тост про брак сказал. Аркадий все приговаривал: «Машань, Машань, ну всё нормально, ну хватит, всё нормально...». Была ли у них первая брачная любовь – до сих пор неизвестно.

Так Машаня выдавила Мишаню из пространства Аркадия.

На второй день молодые пригласили гостей в придорожное кафе, которое «крышевал» брат Маши. Сама молодая была куда разговорчивей, нежели на свадьбе, и всё спрашивала у Аркашиных друзей, почему они пришли без жён. Её родственники норовили налить им побольше водки и предъявляли претензии, довольно агрессивно, когда встречали отказ или просьбу не «борщить». Её родня во главе с братом-бандитом была очень шумная, ор стоял несусветный, и сторона вчерашнего жениха, даже круглый розовощекий Мишаня, поспешила вежливо ретироваться, оставив Аркадия на растерзание.

В общем, стали Аркадий и Машаня жить-поживать да добра наживать. И не было этой сказке конца. Машаня завладела его банковской карточкой и отбирала всю мужнину зарплату. Сколько он получает, она была осведомлена прекрасно – бухгалтер по месту работы всё-таки. А на работу они ездили вместе. Получалось, что с женошкой Аркадий проводил круглые сутки, семь дней в неделю. А по выходным они гостили у её родителей, дядь, тётъ. Пить Аркадию позволялось только под присмотром Машани и только с её родней. Вся эта незамысловатая публика интересовалась, причем весьма досконально, всеми сторонами жизни молодой семьи, особенно тем, сколько получает Аркадий на заводе и в командировках, на что будут потрачены свадебные деньги. Аркадий снова пропал для своих друзей, и даже для Мишани.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Машанина родня, и прежде всего брат-бандит, убедили Аркадия продать свою однокомнатную квартирку, доставшуюся ему от покойной бабушки. По официальной версии – чтобы на вырученные деньги сделать евро-ремонт в новой двухкомнатной квартире, куда молодые заехали недавно.

Именно по этому поводу сидели в кафе Мишаня и Аркадий. Мишаня напал, Аркадий отбивался.

– Да ты вообще с ума сошел? Это твоя собственность! – горячился Мишаня. – Люди за квартиры годами на ипотеку горбчатся, а тебе она за так досталась! Да это единственное, что у тебя есть ценного, и то хочешь отдать мошенникам. Это такая семейка! Если что не так – они тебя вообще выгонят, и куда ты пойдешь? В дом к родителям?

– Зато я поступлю благородно и докажу им, что я делаю всё, чтобы укрепить доверие в семье...

– Какой семье? Это твоя стервозина – семья?! А может, брательник её? Или тёща с тестем?

– Ну я уж решил, – продам...

– Он решил! Решала какой! Рассуют твои деньги по карманам! Слушай! – у Мишани аж вспотели пухлые ладони. – Твою квартиру надо спасать! Давай ты на меня дарственную оформишь? И так она у тебя останется. Ты будешь её сдавать, мы будем там собираться, зависать, как раньше, все дела... А?

– Миш, а что там насчёт машины? – неожиданно парировал Аркадий.

– Какой машины? Да с машиной всё в порядке, стоит твоя машина на стоянке. Тебе не о машине сейчас надо думать, у тебя квартиру отбирают! А ты, как последний лошара, её сам – сам! – отдаёшь...

Но Аркадий только мотал головой, говорил, что «всё решил» и обезболивал себя водкой. Машаня звонила через каждые 15 минут и спрашивала: «Ты где?» и «Когда домой?»

Через месяц квартира была продана, и Аркадию от этого не досталось ни копейки.

Как-то он проболтался жене (у супругов не может быть секретов, так ведь?), что Мишаня должен был ему пригнать машину, но так и не пригнал. И Машаня стала грызть его с новой силой – дурачина ты, простофиля, ступай к своему Мишане и добейся у него машины, а то ездим с тобой на завод, как быдло, на общественном транспорте. Не хочу быть пассажиркой автобусной, хочу кататься в «Тойоте» белоснежной и чтобы ты был у меня водителем! Закручинился Аркадий, да делать нечего, стал опять звонить Мишане, а у того телефон снова вне доступа.

Прошло несколько лет. Говорят, нередко сидят Аркадий с Мишаней в «Теремке». Мишаня всё обещает пригнать машину. И давно бы Аркадий купил бы себе какую-никакую машинёшку, – да всё что-то надеется. Да и Машаня пошла на принцип – с Мишани надо стрясти именно эту тачку. А деньги Аркадия – это её деньги, потому что они – семья. Хотела Машаня как-то на Мишаню брата-бандита натравить, но у того оказалась своя «крыша», и до серьезных разборок доводить этот вопрос не стали.

Годы уходят в песок, седина поселилась в когда-то черных, когда-то непослушных и непричесанных, волосах, дни растрачиваются на пустышки, нервы, переживания, на обретение этих дензнаков, на то, чтобы их сохранить, приумножить, облапошить ближнего, вложить заработанное в кухонный гарнитур и мягкие кресла, в ремонт ванной с перламутровой плиткой, в отделку балкона...

Аркадий, словно большой и потрепанный, загнанный в угол, заяц, пьет свое горькое пиво, спрашивает Мишаню о машине, боится Машаню, и верит, что всё ещё будет чики-пуки.

Андрей ЦУХЛОВ

ДАЧНОЕ

В яблоках сок закатов,
в яблоках сок восходов.
Трели и свист пернатых,
летних дождей немного.

Люди плоды вкушают
просто или в шарлотке.
Ветер не дуть решает,
ветер уснул на сотках.

Августовская зрелость.
Яблоковая прелесть.
Грузно ворона уселась,
держится еле-еле.

Вкусно лимонно-мятный
чай ароматит воздух.
Буду такой занятный,
лягу сегодня поздно.

Каждой звезде припилю
свой инвентарный номер.
Пугало будет стильным,
если надеть пуловер.

А на дровах вишнёвых
будет шашлык в три шпажки.
Птицы, скажите, клёво
здесь или нет (мне важно)?

Лучше дышать свободно,
а суета – заразна.
Буду енотоподобным,
буду ежеобразным.
Буду грушелюбивым
и сливославным буду.
Лейся, песня и пиво!
И – осушись, посуда.

Много ли надо для счастья?
Лето не канет в Лету.
Нету на свете начальства.

И телевизора нету.

***

Отпечатки снов покрыли крыши,
чуть побудут, а потом сотрутся.
Из депо трамвай на воздух вышел,
рельсами затренькал: ун-ца, ун-ца.

Ветер камни вылизет до блеска.
Впечатленья высохнут на солнце.
Ну давай – впрыскай иль в отместку,
подорви боезапас эмоций.

Так посмотришь – вроде всё нормально,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.